

Алексѣй Кокотовъ

ПАСКАЛЕВЫ
ЗАБОТЫ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНІЙ

АЛЕКСѢЙ

КОКОТОВЪ

ПАСКАЛЕВЫ
ЗАБОТЫ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНІЙ

МОСКВА
ВОДОЛЕЙ
2019

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
К59

В оформлении обложки использована картина
Клода Лоррена (1600–1682)

Художник *О. Сетринд*

ISBN 978–5–91763–490–6

© А. Кокотов, 2019

© О. Сетринд, оформление, 2019

© Издательство «Водолей», оформление, 2019

I.

ПАСКАЛЕВЫ ЗАБОТЫ
(ВТОРАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНІЙ)

II.

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

(переводы и переложения съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, латинскаго и древнегреческаго: Келлеръ, Каросса, Гете, Монтескью-Фезансакъ, Бодлеръ, Верленъ, Тютчевъ, Доусонъ, Катуллъ, Проперцій, Анакреонъ, Менандръ, Каллимахъ)

III.

ЭПИГРАММЫ, ШУТОЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,
GELEGENHEITSGEDICHTE

IV.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ
ГОТФРИДА БЕННА

ПАСКАЛЕВЫ
ЗАБОТЫ

1

*

KV 421

... il me semblait que j'étais moi-même
ce dont parlait l'ouvrage: une église,
un quatuor, ...

То облачко набѣгающее,
То алый водоворотъ.
Пусть лучъ, въ темнотѣ догорающій,
Въ низахъ у альта замретъ,

И съ граціей угловатою
Засвѣтитса менуэтъ,
Распахнутою, крылатою
Мечтою, которой нѣтъ.

Въ негорестномъ разставаніи
Какъ листь послѣдній кружимъ,
Какъ дальнее воспоминаніе,
Невѣдомъ, непостижимъ,

Погаснешь и вспыхнешь заново,
Разгадки не утая :
Вселенная магелланова,
Я знаю: ты – это я.

**

Et lux perpetua luceat eis

Все слѣпѣй, суевѣрнѣй
Я твержу, самъ не свой:
Свѣтъ – еще не вечерній,
Золотистый, живой...

Моль, и за переваломъ –
Вновь гряда за грядой,
Валь вскипаетъ за валомъ,
Возмужалый, сѣдой...

Плотно сомкнуты вѣки,
Давній отсвѣтъ храня.
Въ этой тьмѣ я – навѣки.
Не молись за меня.

2

Мнѣ снилась веселая дума ...

... an und für sich sollte in jeder Musik
etwas vom Frühling zu finden sein.

R. Schumann

Подъ вѣтромъ слегка зарябило –
И льдины поплыль континентъ,
На звонницѣ полдень пробило,
Прищурился «Рокуэлль Кентъ».

Расплавленнымъ айсбергомъ свѣта
Придавленъ любитель кладбищъ.
Пусть пѣсенка вродѣ и спѣта,
Пусть онъ равнодушенъ и нищъ, –

Въ обѣихъ стихіяхъ – свѣченъе,
И съ Оттавой слиль Сень-Лоранъ*
Безбрежное свѣтотеченъе
Намъ въ дѣтствѣ приснившихся странъ.

Я думаль: придетъ постепенно,
Привычна, пуста и скушна.
Немедленно и несомнѣнно
Повсюду вдругъ стала слышна.

.....
* Рѣка Святаго Лаврентія

Умѣлыя или плохія
Всѣ рѣшмы – ошметки старья.
Признаю лишь то за стихи я,
Въ чемъ отзвукъ найдется ея.

3

ТУРГЕНЕВЪ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Я не видалъ Венеціи въ апрѣлѣ –
Теперь уже и не для чего мнѣ.
Я и *вонъ тотъ* – мы оба постарѣли,
Нам вкуса нѣтъ въ чужой ея веснѣ.

Въ глухой ночи, уже на самомъ днѣ
Декабрьской тьмы, подъ трубный вой метели,
Живымъ огнемъ вдругъ вспыхнувъ, заблестѣли
Дворцы ея, плывя ко мнѣ во снѣ.

Проснулся я: онъ правъ, зачѣмъ такъ скоро?
Совсѣмъ вблизи чуть колыхнулась сѣть –
Такъ ясенъ свѣтъ, а надо умереть.

Но отзвуки другого разговора
Мой ловить слухъ – въ ночи не пропадетъ,
И въ темнотѣ гнѣздо свое найдетъ.

4

F. J. H.

Стремительныхъ штриховъ разлетъ и затуханья
Внезапныя, какъ смерть, и птичьихъ нотъ хаосъ
Вдругъ вызволятъ давно забытое дыханье
Проталинъ мартовскихъ и луга въ сѣнокося.

Печаль всяя земли съ веселостью нѣмецкой –
Чуть угловатую, въ тяжелыхъ башмакахъ,
Опрятность мастера съ довѣрчивостью дѣтской
Все это тутъ. И жизнь – жива въ его рукахъ.

Я загадать хочу. Пускай же въ день послѣдній
Сыграть *полста и двѣ* достанетъ только силъ.
И пусть себѣ она помается въ передней.
Пусть подождетъ – ее я въ гости не просилъ.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ
СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ ЭПИГРАФАМИ
(5-6-7)

5

En ma Fin gît mon Commencement...

Еще она не зазвучала,
Но вся уже здѣсь – цѣликомъ:
Въ концѣ ея живо начало,
А *та* съ ней – все время, тайкомъ.

И юношей, и старикомъ –
Съ обѣихъ сторонъ перевала
Все ждешь, а она ни о комъ
Изъ нихъ-то и не горевала.

Онъ чувствовалъ близость ея
И зналъ про себя, что – далеко.
Гадай не гадай и твоя

Сюда не прорвется до срока,
И эти слова – лишь морока
Уставшаго ждать бытія.

6

Au coquin de sort

Подожди, не уходи,
Хоть помедли у порога.
Будеть! И того ужъ много,
Путь немалый впереди.

Береги не береги:
Все – длинноты эпилога,
А стихи – лишь родъ подлога:
Нѣтъ тебя – дыра въ груди!

Оставайся вродѣ флейты,
Обращай собой въ елей ты
Трансцендентность сквозняка!

Только перебить сумѣи ты
Крови вкусъ у мундштука –
Засвищу навѣрняка!

7

... sans savoir qui l'y a mis

Въ пугающее логово
Могущаго Ферзя
Съ холма – еще пологога –
Примѣтнѣе скользя,

Признайся: Богу – Богово.
Смиренно, не дерзя,
Проговори, что многога
Узнать тебѣ нельзя –

Откуда ты и кто ты?
Куда? Зачѣмъ? Къ чему? ...
Моль, – никакой охоты:

Изъ тьмы – пролетомъ въ тьму,
Паскалевы заботы
Постылыя уму.

8

Пускай иные колобродятъ,
Пройдутъ они, какъ все проходить,
И время не облагородитъ
Уловокъ смерти шельмовскихъ.

И что мнѣ въ эту ночь до нихъ?
Ихъ шумъ – ничто, онъ тутъ же стихъ –
Я повторяю лучшей стихъ:
И радуги на снѣгъ наводятъ.

Декабрьской ночи злое дно
Мнѣ позабыть не суждено.
Пусть память мечется кругами –

Въ ней – жесткій петербургскій снѣгъ,
Холодныхъ санокъ скользкій бѣгъ
И блески радугъ подъ ногами.

9

Пусть праздничная ночь – тревожна и безсонна,
Пусть черный мракъ вокругъ, и холодъ, да метель ...
Утихомирится! По бѣлизнѣ виссона
Пройдетъ трехъ лучиковъ золотая канитель.

И блеску ихъ расти – упорно, неуклонно
До самаго конца двухъ святочныхъ недѣль,
Когда крещенская вберетъ въ себя купель
Богоявленское сіянье небосклона.

Тогда безъ умолку безумствуетъ петухъ,
И ни одинъ на свѣтъ не выйдетъ злобный духъ,
И вѣдьмы власть свою волшебную теряють,

Безильныя, вдали зарницами ширяют,
Когда премудрый волхвъ и съ нимъ протестъ-пастухъ
Таинственный вертепъ тихонько отворяють.

10

Тамъ, надъ пламенной Кальдерой
Всесожженіе тѣней –
Не спасенныхъ, ставшихъ сѣрой
до новозавѣтныхъ дней.

Видишь, тамъ, у края дымки,
– Вродѣ да, а вродѣ нѣтъ –
Промелькъ, промахъ невидимки,
Тѣнь? Фигура? Силуэтъ?

Мигъ оптическихъ обмановъ –
Шипъ кровавый? Рдяный листъ?
Легионъ – слѣпыхъ Ивановъ,
Лишь одинъ – евангелистъ!

Черезъ марево надъ степью –
Ввысь – отъ выжженной травы
Къ жгучему великолѣпью
Леденящей синевы.

11

Въ ладоняхъ – лавы черный скрупуль,
Синѣ неба – синій куполь.

И дверь у церковки открыта –
Синь отъ порога и до Крита.

Но сколько бѣ ни противорѣчилъ –
Съ купелью неразлученъ кречель.

12

Сквозь поникшія ивы,
Сквозь горящіе клены,
Въ свѣтлый сумракъ разлива
Шаръ спустился каленый.

И услышалъ я – гдѣ-то,
Тѣнью, отблескомъ, духомъ,
Какъ не съ этого свѣта,
Можетъ, внутреннимъ слухомъ,

Можетъ, только усталость,
Раздраженье, простуда,
Только – самая малость,
Вѣтерокъ ниоткуда –

Отвори, отвори же,
Не отворишь – навѣчно.
Никого – тебѣ ближе,
Темнота – безконечна.

13

Изъ свѣжести ночного дуновенья –
Рождаются твои прикосновенья.
Потухшаго костра прозрачный дымъ
Мнѣ кажется присутвіемъ твоимъ –

Знакомый сонъ, безжалостно разъятый
На слабый свѣтъ, струеніе волосъ,
Вкусъ губъ твоихъ слегка солоноватый,
И легкой стыдъ отъ дѣтскихъ этихъ слезъ.

14

... платить тебѣ признательную дань

Из тьмы ночной летя, какъ манна
Изъ тьмы перепелиныхъ крыль,
Онъ въ срокъ положенный, неожиданно
Украдкой явной міръ покрылъ,

Поземка стихла. Ночь туманна –
Не знаю, будетъ ли уныль
Знакомый видъ иль первозданно
Заблещетъ вдругъ ... Но я забылъ

О чемъ, проснувшись, сразу вспомню,
Какой провалъ въ каменоломню
Въ послѣднемъ снѣ подъ утро ждетъ,

Съ какою мыслью неизбежной
День первый породнился снѣжный,
Чего страшась – душа поеть.

15

deutlich hervortretend

A. B.

Надъ огненнымъ моремъ тревоги
Поднялся отчетливый зовъ,
Волнуются мѣдныя роги
Надъ рокотомъ струнныхъ низовъ.

Все пуще безумѣють горны,
И горе горѣ говоритъ,
И солнце затмится покорно
Четвертая лишь вострубитъ.

И медленно съежится время,
Во тьмѣ содрогнутся міры,
И смертное двинется бремя
Въ началъ могучей игры.

16

Происходило то, что называется фугой

Л. Т.

Иона въ декабрьскомъ чревѣ,
О какъ я боюсь этихъ дней:
Чѣмъ тьма за порогомъ чернѣй
Тѣмъ невмы труднѣе въ распѣвѣ.

Все выше съ волны на волну ...
Проклятая все непрогляднѣй,
А холодъ еще беспощаднѣй ...
Валяй, моя музыка! Ну!

Глазницы пусты, остроскула –
Она сторожить за окномъ.
Вотъ маска за мерзлымъ стекломъ
Отпрянула, снова прильнула.

Какъ въ точку сужается кругъ,
Уходитъ въ воронку сознание.
Кончается существованье
Въ сложнѣйшей изъ мыслимыхъ фугъ.

17

Снова дорога. И съ силой магической ...

Сорокъ ужъ лѣтъ, какъ услышалъ впервые
Та-та-та ти-та-та въ дѣтскомъ восторгѣ.
Вѣчной той пѣсенки блески живыя,
Стуки колесъ и струи дождевыя,
Версты степныя и версты лѣсныя
Всѣ въ мелочномъ были спущены торгѣ.

Нынче средь ночи предзимней, безсонной
Слышу, какъ тянуть *тяжелый* въ Торонто,
Ти-та-та та-та-та молотъ стотонный
Бьетъ въ перепонку изъ тьмы законной,
Лежа, считаю, какъ умалишенный,
Стыки желѣзныхъ мостовъ Ахеронта.

18

Для убѣжденныхъ убѣжденя

Сказаль я съ вѣрой охладѣлю:
«Тамъ ничего въ поминѣ нѣтъ
Въ той тьмѣ я былъ минуту цѣлюю
И – помню, – выходя на свѣтъ,

Ну хоть какихъ-нибудь примѣтъ
Искаль съ душой оцѣпенѣлю,
Вперяясь взглядомъ въ нѣчто бѣлое
(совсѣмъ обыденный предметъ)».

Но ты отвѣтила: «вотъ глупости!
Такимъ, какъ ты, – легко отчаяться:
Сухарь ты – съ головы до пять,

Сомнѣнія твои – отъ скупости,
А души въ той ночи, случается,
Тысячелѣтіями спясть».

19

Блестить ротонда бѣлой костью лобной –
Ужасень колобовскій* домъ.
Все снится мнѣ, что нѣкоею злобной
Къ нему я силою влекомъ.

Какая тѣнь надъ городомъ спустилась!
Какъ кровью небосклонъ набухъ!
Идти? Сейчасъ? Такъ, значить, не простилось?
Нѣмый меня заждался духъ?

Пугай другихъ, костлявый, новосельемъ!
Не выдасть Богъ – свинья не съѣсть.
Умѣю я во тьму входить съ весельемъ,
Подумаешь, – до крайнихъ звѣздъ!

* На углу Матвѣевской и Пушкарскаго переулка.

20

Знаете, какъ я разочаровался въ вѣчности? Это было дорогой, въ дилижансѣ, — сидѣлъ я, сидѣлъ, осмотрѣлся и подумалъ: неужто всѣ они могутъ имѣть претензіи на вѣчную жизнь!

(слова Тургенева)

Терпѣнія нѣтъ для пасьянса —
Квнтетъ? или снова квартетъ?
Согласны его диссонансы,
Что въ мірѣ гармоніи нѣтъ.

Придуманно-мертвенны стансы,
И чѣмъ геніальнѣй кларнетъ
Въ А-дурѣ свиваетъ романсы,
Тѣмъ тягостнѣй нашъ tête-à-tête:

Ты — хрупкость и блѣдность фаянса,
Ты — сумрачный краденый свѣтъ,
А я — самъ себѣ Санчо Панса,

Комокъ безъ души и примѣтъ,
Какъ тѣ, изъ того дилижанса,
Да этотъ дурацкій сонетъ.

21

LE RAPPEL DES OISEAUX

Эти тревожные трели – откуда?
Гдѣ ты очнулся отъ небытія?
Жизни ль древесной дремучее чудо?
Трепетъ травы на тропѣ муравья?

Тяжесть отвалена трехвѣковая,
Смертное больше не давить ярмо,
Снова подѣ пальцами дышитъ живая
Птица-душа человѣка Рамо.

22

Что лондонскіе мнѣ безъ роздыха
Безкрыломрачные ряды?
Въ нихъ какъ-то слишкомъ мало воздуха –
Все строго, безъ белиберды.

Что эта дура монпарнасская?
Прямой баранъ баронъ Османъ?
Я брежу Хлодвиговой сказкою,
А Прустовъ скушенъ мнѣ романъ.

Но италійскіе, летающіе,
Лѣвобережные дворцы,
Въ вечерній часъ, въ апрѣлѣ, тающіе
Обшарпанные гордецы ...

Пойдутъ зіянія, стяженія
И въ небо, въ розсыпь – кто куда.
Одни лишь только отраженія
Качаетъ невская вода.

23

Д.

Божій – раню снѣжною, къ ночи – безпризорный,
Вновь Москвой становится Китежъ иллюзорный.

Залила всѣ улицы талая вода,
Въ тѣснотѣ безлика мечется орда.

И въ промозглыхъ сумеркахъ жмемся мы другъ къ другу,
Все по чьей-то милости ходимъ мы по кругу.

Ты мнѣ провожатая, я твой поводырь –
Красный, Новодѣвичій, ищемъ монастырь.

Тамъ въ церквахъ натоплено, а дорожки – бѣлы
Тополі подѣ панциремъ – все необлетѣлы.

Обовѣтся кольцами городъ-душегубъ
Отзовется холодомъ заболоцкій кубъ –

Все же свѣчки теплятся – малое, но пламя:
Теплая Наставница будетъ рядомъ съ нами.

24

FUGA DEL GATTO

О вяземскомъ что ли халатѣ,
Что въ дымъ превратитъ недосугъ,
О той ли, чей на циферблатѣ,
Домыканъ, смыкается кругъ,

О – коль уж цитата къ цитатѣ –
Безполой, безлюбой самъ-другъ?
Да нѣтъ, я о кошкѣ Скарлатти!
На тему славнѣйшей из фугъ!

Шальною и вкрадчивой лапой
По клавиатурѣ пройдясь,
Случайно мой слухъ оцарапай,

Какъ любишь ты: вразъ, не спросясь,
И я уже пойманъ, какъ язь
На голый крючокъ, на арапа.

25

Какъ ни стянешь – високосно,
Губы – сохлая полынь.
Черный снопъ молніеносно
Распусти и перекинь.

Въ черномъ небѣ висожары,
Черная, блеститъ волна.
Мигъ – душа въ кольцо пожара.
Мигъ – она ужъ сожжена.

Шелестъ половецкой крови
Не смогу я заглушить.
Никогда моей любви
Не сумѣю утолить.

Знаю обоюдоострымъ
Лезвіе, что мнѣ грозитъ –
И, бущуя, Mare nostrum
Разступилось и горить.

Снова ты – свѣтловолоса,
Над Элладой – та же синь.
И въ моихъ ладоняхъ косы
Ботичелльевыхъ богинь.

Значитъ все же тайный голосъ
Тѣмъ сильнѣе, чѣмъ древнѣй,
И, ржаной, возстанетъ колосъ
Среди высохшихъ степей.

26

Свѣтъ неясный, явная прохлада,
День воскресный? Юность такъ легка?
Словно бы четвертая баллада
Зазвучала вдругъ издалика.

Чудится въ мерцаньѣ полусонномъ
– Все уже забылъ ты въ пятьдесятъ! –
Что въ раю осеннемъ законномъ
Яблоки любимыя висятъ.

Слыша, какъ стихаетъ подъ ферматой
Въ бѣломъ свѣтѣ тающій аккордъ,
Вспомнишь ты: осенній-полосатый! –
Золотистый, самый вкусный сортъ.

За окномъ и вправду – садъ и поле,
Полосою стелется туманъ.
Въ тишину вращая поневолю,
Понимаешь: еле слышно – званъ.

Тихій голосъ въ хрупкомъ фа-минорѣ
О несрочной говорилъ веснѣ.
Но не тяжело было это горе.
И не страшно было въ этомъ снѣ...

Утро хмуро, съетъ дождикъ рѣдкій,
Неуютенъ выстуженный домъ.
Но одно виситъ еще на вѣткѣ
Подъ вороньимъ брошеннымъ гнѣздомъ.

27

NOSHWASSER AM RHEIN

Пора торопиться, январскія воды
Подходятъ ужъ къ самому дому поэта
А въ книгѣ подѣ лампой осталось три оды,
Но лучшая та, что въ началѣ пропѣта.

Потомокъ когда-нибудь благоговѣино
Послѣднюю – бѣлую – тронетъ страницу
И вспыхнетъ прозрачное Золото Рейна,
Прольется на землю и все повторится –

Горацій и зимнее то наводненье,
И даже за дверью – какъ будто синица,
И призракъ весенній, и стихотворенье,
Что тоже закончить пора торопиться.

28

Въ «Плеядѣ» прижизненный томикъ
И папою римскимъ побыть,
Несчастный ритмующій комикъ –
Тебѣ и брошюрки не сбыть.

Ну ладно, пускай – лишь бы знали
Стрѣльчатую и ... три ключа.
Любезный, въ такомъ-то обвалѣ –
Въ умѣ ль ты, о томъ хлопоча?

Потомъ... самъ-то ты дочиталъ ихъ?
Тотъ, третій ... Ахъ нѣтъ, не хочу,
Унылыхъ пугать и усталыхъ
Я самъ хоть кого научу.

29

СТРОГИНСКИЕ МЕАНДРЫ

Тревожный сонъ, случайный кровъ,
Неясный шумъ, обрывки словъ,
Ночной... немолчный... гулъ валовъ ...
Хвалебный гимнъ Отцу Мировъ!

Она! Теперь навѣрняка.
Вездѣ, во всемъ – Его рука.
Пусть за лукой еще лука –
Не затеряется строка.

26. 05. 18

30

Χάρων με ἔδακεν

Обдумывалъ я Dankchoгал,
Но вдругъ оскалился Харонъ.
Незапнымъ холодомъ пронзень,
Я малодушно возропталъ:

«Я, – ничего я не узналъ,
Какъ будто чуть поплылъ перронъ,
А я все тамъ же, гдѣ Пирронъ –
Двухъ мыслей вмѣстѣ не собралъ».

Прошло. Отпустить и забудь.
Не съѣсть, не выдать, какъ-нибудь,
И былъ ты счастливъ раза три,

Пожалуй, что ни говори,
И, можетъ быть, ... еще чуть-чуть.
Благодари, благодари.

ПОДСЛУШАННЫЕ
РАЗГОВОРЫ

1

Недвижно время. Это я
Брожу зачѣмъ-то въ немъ.
Я только странникъ, а оно –
Страннопріимный домъ.

Безформенная пустота
Свой контуръ обрѣтеть,
Когда войду въ нее. Потомъ
Она меня сотретъ.

Вотъ вспыхнетъ лучъ, росой блеснетъ
Имъ озаренный кустъ,
И день единственный – что перль,
А вѣкъ огромный – пусть.

Пусть времени пергаментъ бѣлъ,
Но алы письма –
Мы кровью нашей пишемъ ихъ,
Чтобъ смысла ихъ волна.

И я твоей, о чудный міръ,
Горящей купинѣ,
Пишу признаніе въ любви
На этой бѣлизнѣ.

Мнѣ весело вплетать свой цвѣтъ
Въ пылающій вѣнокъ,
Творить, хвалить, благодарить,
Не возмута истокъ.

2

Зимній лѣсъ

Высокій лѣсъ, увитый пряжей бѣлой,
Весь въ инеѣ – съ вершины до вершины,
Не увлекай меня въ свои глубины!
Пробился свѣтъ въ холодные предѣлы,
Легла земля, какъ будто саванъ смятый,
Пугливѣй шагъ, не смѣетъ сердце биться,
Из раны на соснѣ смола точится –
И смотреть глазъ огромный, желтоватый.
Подъ ношей алой вѣточки не гнутся:
Вѣдь ягоды на нихъ заледенѣли
Какъ губы, что поблекнуть не успѣли,
Легко сумѣвъ до смерти дотянуться.

3

ОТЪ СТРАСТИ КЪ СТРАСТИ

Молишь ты о завершени,
Все сильнѣй твои объятя
Понуждаютъ къ погруженью
Въ воды темныя зачатя.

Вновь волною воздыматься
Въ опьяненіи звѣриномъ,
Въ морѣ огненномъ сливаться
Раздѣленнымъ половинамъ.

И душа, свергаясь въ чресла,
Въ черный хаосъ ихъ сплетенный,
Въ помраченіи воскресла
Страстью грознораскаленной.

Сферы вышнія разъяты,
И во тьмѣ съ раскатомъ грома
Вспыхнулъ свѣтъ новозачатый,
Сущій вышелъ изъ Плеромы.

Утоленно стихнетъ жажда,
Стихнетъ море грозовое.
Но, зачавъ, печалень каждый,
Изъ печали – все живое.

Пусть на отмели истаѣтъ
Страсть серебряной змѣею.
Птица огненная рѣетъ
Надъ предутренней землею.

.....

Отстраняюсь я устало,
Быстро пламя затухаетъ.
И въ кристалликъ плоти малый
Блескъ неспѣшно застываетъ.

4

Кошка, гордая плѣнница,
Выйди побыть со мной.
Сумерничать за плѣнницей
Полно тебѣ одной.

Вольно вездѣ гуляющая,
Маниемъ легкихъ лапъ
Прочь со стола сметающая
Грудю моихъ силлабъ.

Что же – твоей заботой
Ясность обрѣтена
Низкой органной нотой
Скрытаго веретена,

Щурится тайна латунная,
Пальцамъ моимъ странна
Выпуклость лобика лунная –
Чуждая тамъ страна.

Гдѣ ты? полна ль дремотою?
Иль вдалекѣ твой умъ
Грезить удачной охотою,
Слыша мышинный шумъ?

Чуждая страннымъ призракамъ
Лютой земной борьбы
Стала ль ты мягкимъ призвукомъ
Нашей людской судьбы?

Или, на этомъ свѣтѣ
Выбравъ великій отказъ,
Бродишь въ призрачномъ свѣтѣ,
Скрытомъ отъ нашихъ глазъ?

5

Взоръ мой держать пряди-змѣи,
Приковавъ и окруживъ.
Какъ отвѣсть? Я не умѣю –
Этимъ плѣномъ я и живъ.

Гдѣ-то слѣва незамѣтно
Вырастаетъ алый шаръ.
Снѣжной бурей скрыта Этна,
Но могучъ подземный жаръ –

Изо льдовъ возстали *геты*,
Вновь оттаяли ихъ сны,
Снова чуетъ старый ... *Хатемъ*
Дуновеніе весны.

Новый кубокъ – лучше не пиль! –
Въ честь твою опустошень!
Скажешь ты, найдя мой пепель:
«Для меня онъ былъ сожжень».

6

Себя изъ самого себя творя,
Безсчетны вѣки Творчествомъ горя,
Любовь и Вѣру намъ Онъ пріоткрылъ
Неуловимымъ взмахомъ легкихъ крылъ.
На свѣтъ названъ всякимъ языкомъ,
А самъ сокрытъ, невѣдомъ, незнакомъ.

Что ни ухватить чуткій взоръ и слухъ –
Повсюду явенъ Вездѣсущій Духъ.
Въ какія выси духъ ни устремленъ –
Всегда верховнымъ сходствомъ упоенъ.
Он радость жизни смогъ въ тебя вдохнуть,
Гдѣ бы ты ни шель – чудесь исполненъ путь.
Отсчетъ временъ безмысленъ рядомъ съ Нимъ,
И каждый шагъ – ничѣмъ не измѣримъ.

ТРИЛОГИЯ СТРАСТИ
(7-8-9)

7

КЪ ВЕРТЕРУ

Оплаканная тѣнь, неожиданно снова
Войти въ сіянье дня рѣшась,
Явилась мнѣ средь луга золотого,
Прямого взгляда не страшась.
Какъ будто жилъ ты и исчезъ съ зарею;
Росою насладясь, теперь и мы
Прощаемся съ заботою дневною,
Послѣдній лучъ лова у грани тьмы.
Мнѣ выпалъ – домъ, твой жребій былъ – дорога,
Ты потерялъ не очень ужъ и много.

Прекраснымъ мнится жизни даръ земной:
Любезень день, огромень – мракъ ночной!
Поддневнымъ свѣтомъ намъ не насладиться:
Лишь стоитъ намъ въ раю томъ очутиться
Туманное стремленье смутнымъ ядом
Вмигъ губить насъ и все, что съ нами рядомъ.
Счастливыхъ соотвѣтствій въ мірѣ нѣтъ –
Снаружи тьма, когда внутри насъ свѣтъ.
Мрачнѣет око – ясенъ окоемъ,
Мы счастья близкаго не узнаемъ.

Сейчасъ узнали! Рядомъ вдругъ возникъ
И съ силою влечетъ насъ женскій ликъ.

И юноша веселый – въ свой чередъ,
Свѣжъ, какъ весна, шагъ дѣлаетъ впередъ.
Обвороченный, вкругъ себя глядитъ:
Весь вешній міръ – ему принадлежитъ.
Преграды рушить – на рѣшенья скоръ –
Изъ стѣнъ дворцовъ онъ рвется на просторъ.
Какъ стая птицъ, что средь вершинъ кружить,
Вблизи любимой на крылахъ парить.
Забывъ о небѣ, ищетъ, упоень,
Любимый взглядъ и прочно имъ плѣненъ.

Совѣтъ безмысленъ – все труднѣй летѣтъ,
Онъ чувствуетъ – стянулась крѣпко сѣтъ.
Свиданье и разлука – душу рвутъ,
И встрѣча вновь – что слаще тѣхъ минутъ?
Единый мигъ – замѣна сколькихъ лѣтъ!
Но ждетъ прощанье и надежды нѣтъ.

Усмѣшка чинная твой ротъ кривить:
Уйдя столь страшно, сталъ ты знаменить.
Мы тризну справили тебѣ вослѣдъ
И погрузились въ суету суетъ.
Бродя среди невѣдомыхъ путей,
Опять вошли мы въ лабиринтъ страстей.
Нась та же подхватила круговерть –
Въ концѣ – разлука, а разлука – смерть!
Поэтъ въ разлукѣ пѣснь свою творить,
Растрогавъ насъ, онъ смерти избѣжить.
Полувиновному въ своей же мукѣ,
Дай, Боже, влить ее въ святыя звуки!

8

ЭЛЕГИЯ

Безмолвень міръ въ страданіи своемъ,
Дана мнѣ рѣчь, чтобъ выразить страданье.

Что принесетъ грядущее свиданье?
Бутоны этихъ дней еще закрыты,
И рай и адъ – какъ будто въ ожиданьѣ,
Всѣ мысли перемѣнчивы, размыты.
Сомнѣнья прочь! Отверсть небесный створь,
Зоветь оттуда ввысь любимый взорь.

Ты, наконецъ, пропущень въ двери рая,
Достойнымъ счастья признанъ въ самомъ дѣлѣ,
Живи теперь ни алча, ни мечтая,
Ты задушевнѣйшей достигнулъ цѣли,
При видѣ прелести неповторимой
Тотчасъ изсякъ источникъ слезъ незримый.

День бьетъ крыломъ, спѣшитъ собрать въ объятъе
Мгновеній уходящихъ трепетанье,
Вечерній поцѣлуй скрѣпитъ печатью
Намъ завтрашняго дня обѣтованье.
Чась нѣжный съ часомъ нѣжнымъ равноправень,
Но все жъ и брату братъ не точно равень.

Прощальнымъ поцѣлуемъ разсѣкаю
Любовный жгутъ и сладко и сурово.
Запнусь стопой, порога избѣгая –
И ангель прочь меня уводитъ снова.

.....

Мрачнѣть око, путь угрюмый мѣря,
А за спиною – запертыя двери.

Въ самой себѣ душа замкнулась, словно
Всю жизнь такъ и стояла на запорѣ,
Что было былью – стало баснословно,
Со звѣздами – кто ярче – уж не споря.
И въ воздухѣ – укоръ лишь и досада,
И, душная, долить меня громада.

Что, дольний міръ исчезъ? и эти горы
Теперь святая тѣнь не покрываетъ?
Не зрѣеть жатва? Дальніе просторы,
Стремительный потокъ не омываетъ?
И горнее не возстаетъ отвѣсно
То въ формахъ кованныхъ, то безтѣлесно?

Нѣтъ! въ легкости изящно-нѣжныхъ линій
– Строй облаковъ, какъ серафимы, строгъ –
Твой образъ тамъ – среди небесной сини,
И свѣтится туманный твой чертогъ.
Средь формъ излюбленныхъ ты всѣхъ любимѣй!
Танцуй съ ними – ты царишь надъ ними!

Одно мгновенье ты еще готова
Въ воздушной этой формѣ удержаться ...
Скорѣе въ сердце возвращайся снова,
Чтобъ снова тамъ безсчетно измѣняться!
Обличія тысячекратно множа,
Тысячекратно станешь мнѣ дороже.

И какъ ждала меня ты у порога,
И, ввысь ведя, блаженствомъ наполняла,
Какъ, задержавъ меня еще немного,
Въ послѣдній разъ ты губъ не отнимала –
Такъ въ сердцѣ ясно – въ огненномъ движеньѣ –
Твое запечатлѣлось отраженье.

.....

Въ томъ сердцѣ, что, какъ за стѣной зубчатой,
Храня себя, тебя въ себѣ скрывая,
Когда ты явна, радостью объята,
Лишь въ этотъ мигъ само себя и зная.
Средь сладкихъ узъ вольно ему живется,
Изъ благодарности – оно и бьется.

И если жаръ любовный и желанье
Взаимности растаяли безслѣдно,
То радостная тяга къ созиданью
Возникла тотчасъ съ силою побѣдной!
Влюбленного любовь и вдохновила:
И перешла мнѣ творческая сила

Через тебя! – Какъ внутренніе страхи
Вокругъ меня кружились жуткой тѣнью!
Душа и тѣло корчились на плахѣ
Средь пустоты тѣснины средостѣнья!
Но явственно надежда брезжить нынѣ –
Явилась ты среди родимой сини.

Миръ Божій только (что ума превыше),
– О немъ въ посланьѣ Павловомъ читаю –
Того покоя можетъ быть чуть тише,
Что рядомъ я съ Любимой ощущаю.
Глубокихъ думъ, что ей одной довлѣютъ,
Нарушить ходъ ничто тогда не смѣетъ.

В моей груди горитъ одно желанье –
Разгадкѣ Безымяннаго предаться
И съ благодарностью свободного познанья
Къ Невѣдомому въ вышнихъ приближаться.
Вблизи тебя стремление это знаю.
Его я набожностью называю.

.....

Твой взглядъ сильнѣе солнечнаго зноя,
Весенній вѣтеръ мнѣ – твое дыханье.
Расплавил ты вѣчно ледяное
Недвижное мое самостоянье.
Ты сорвала съ меня сухія листья
И своеволя и своекорыстья.

Какъ будто говоришь ты: «все на мѣстѣ,
Жизнь дарить часъ за часомъ непреложно,
Намъ день вчерашній не принесъ извѣстій,
Знать завтрашній и вовсе невозможно.
И какъ закатъ вечерній ни пугаетъ,
То, чѣмъ ты счастливъ, все онъ озаряетъ.

Что жъ, будь, какъ я, – съ веселымъ пониманьемъ
Гляди въ глаза грядущему. Съ охотой
Встрѣчай его живымъ своимъ вниманьемъ,
Любовью, непрестанною работой.
И, съ дѣтскостью, что бережно хранима,
Живи во всемъ – и стой неодолимо».

Легко сказать, – подумалъ я – съ тобою
Божество всевышнихъ милость есть живая,
Вблизи тебя и я хранимъ судьбою,
Себя ея любимцемъ сознавая.
Страшать меня примѣты разставанья –
Высокое, дается трудно знанье!

Теперь я далеко! Такой минутѣ
Что подобаешь? Какъ сказать рѣшиться?
Добра съ лихвой въ духовномъ томъ уютѣ,
Но должно отъ него освободиться.
Грызеть меня тоска неукротимо,
И слезы льются неостановимо.

.....

Такъ бей ключомъ, теки, струись рѣкою,
Но не гаси горячей круговерти
Въ груди моей, гдѣ въ вѣчномъ непокоѣ
Жизнь яростно сражается со смертью!
У тѣла средства есть отъ всякой боли –
У духа жъ нѣтъ рѣшимости и воли:

Все не рѣшу – какъ безъ тебя остаться?
Ты повторяешься тысячекратно,
Вольно тебѣ въ туманной мглѣ скрываться,
Въ сіяньи возвращаясь обратно.
Приливъ, отливъ, уходы, появленья
Не принесутъ и тѣни утѣшенья.

*

Оставь меня, мой спутникъ неизмѣнный,
Одинъ войду въ угрюмый этотъ лѣсъ.
Давно тебя въ распахнутой вселенной
Ждутъ кругъ земной и высота небесъ,
Смотри, изслѣдуй, примѣчай детали
Немного ближе стануть эти дали!

Я проигралъ – сомкнулися просторы,
Недавній другъ и баловень боговъ,
Я получилъ отъ нихъ ларецъ Пандоры,
Въ которомъ бѣдъ чуть боле, чѣмъ даровъ.
Блаженный даръ несли мнѣ эти губы,
Сгубивъ меня, его отняли грубо.

9

ПРИМИРЕНІЕ

Страданье – отзвукъ страсти! Кто же сможетъ
Утишить сердце, средь утратъ безсчетныхъ?
Гдѣ лучшей часъ, что былъ столь скоро прожить?
И слѣдъ простылъ мгновеній мимолетныхъ!
Души своей истоковъ мы не знаемъ,
И міръ былой уже неосязаемъ!

Тутъ музыка восходитъ передъ нами
И, вѣчной красотою сердце тронувъ,
Паритъ, дрожа воздушными крылами,
Сплетая вмѣстѣ мириады тоновъ.
И, въ тягѣ ввысь, къ глазамъ подступить влага –
Подобно звукамъ, эти слезы – благо!

И, ношу сбросивъ, легче сердце бьется,
И дальше жить и биться хочетъ снова,
От радости, что вновь ему живется,
Въ отвѣтъ – всего себя отдать готово!
Душа моя, принявъ, благослови
Двойное счастье – звуковъ и любви!

10

Сумракъ съ вышнихъ внизъ спустился,
Дальнимъ сталъ весь ближній свѣтъ,
И Вечерницы пролился
Благосклонный ранній свѣтъ.
Все въ туманѣ цѣпенѣтъ,
Еле явна сущихъ связь.
Зазеркалье лишь чернѣтъ,
Въ черномъ озерѣ таясь.

Вотъ угаданной луною
Озаряется востокъ,
Подъ плакучихъ ивъ стѣною
Шутить съ тѣнями потокъ,
Тамъ, гдѣ онъ во тьмѣ струится,
Мракъ блеснетъ и вновь дремучь.
Льет прохладу сквозь зѣницы
Прямо въ сердце лунный лучъ.

11

По завѣту мандариновъ,
Службу бросивъ, власть отринувъ,
Все весною забываемъ
Въ рощѣ у ручья лѣсного,
Средь веселія хмельного –
Пьемъ и пишемъ, дворъ покинувъ,
Чашу къ чашѣ добавляемъ,
Добавляемъ къ слову слово.

12

Сестры не замѣчая, глядя мимо,
Искусство все Природы сторонится.
Негаданно вражда ихъ прекратится –
Природа въ сердцѣ оживетъ незримо.

Когда твой Духъ горитъ неутомимо,
И выстрадана честная страница,
Тогда съ зѣницей встретится зѣница,
Сліянныхъ блесковъ море негасимо.

Такъ водится во всякомъ чудотворствѣ:
Пустыхъ потугъ безмысленны усилія –
Безумецъ внизъ летитъ съ крутого склона.

Мы побѣждаемъ лишь въ противоборствѣ,
Лишь встрѣчный вѣтеръ расправляетъ крылья,
И нѣтъ свободы тамъ, гдѣ нѣтъ закона.

13

На ярмаркѣ

Кто коснулся нашей клади
Не по силамъ выбралъ глыбу.
Тотъ, кто съ формою въ разладѣ,
Поднять тотчасъ будь на дыбу.

Очень громко ты поешь,
Только знай, дружище,
Ввѣкъ подметки не пришьешь,
Сморщивъ голенище.

Но вступаетъ старъ и младъ
Въ квохтанье насѣдокъ.
Слыть поэтомъ каждый радъ,
А сапожникъ – рѣдокъ.

Ну пѣвцы – помилуй Богъ!
Вотъ пошла потѣха!
Безъ колодки шьетъ сапогъ
Наглый неумѣха.

Ты купилъ сапогъ косою?
Очень вѣроятно:
Ты пойдешь домой босой
Съ ярмарки обратно.

14

Aimable pestilence.

Baudelaire.

Олимпія Мане – сокровище изъ рѣдкихъ.
Странна, причудлива – я вижу суть такой:
Изъ пряностей одна, зато изъ самыхъ ѣдкихъ
Здѣсь всыпана въ растворъ нескаредной рукой.

Нехороша – чужимъ, себѣ самой – прелестна,
Оцѣнять толкомъ то – любовникъ или другъ,
Любя любовь къ себѣ – иное и невмѣстно –
Она презрѣнне льетъ на пошляковъ вокругъ.

Сперва отринула, а послѣ удержала
Потомъ свела съ ума, изъ хлада бросивъ въ зной,
Какая чернота убійственнаго жала
Въ ней перемѣшана съ терпчайшей бѣлизной?

Съ веселой смѣлостью здоровой и дразнящей
Здѣсь тема сыграна – неслыханно вольна.
И антитеза ей – звучитъ струной дрожащей
Стонъ жизни раненой въ глубинахъ полотна,

Стонъ блѣдной хрупкости – лишь гиблемой былинки,
Что сильной кажется, свое страданье скрывъ,
Я вижу ей сестру въ той крохотной песчинкѣ,
Что скрипкѣ надобна, чтобъ выразить надрывъ.

Живи Олимпія, какъ хочешь, на узорномъ
На крепдешиновомъ покровѣ щегольскомъ,
Съ презренной головой, отрѣзанною чернымъ
Простого бархата безхитростнымъ шнуркомъ,

Съ угрюмо уксуснымъ и прянымъ ароматомъ,
И съ туфлей наглою (опустошивъ свой садъ,
Съ арапкой черною безсмертный агератумъ
Постскриптумомъ послалъ тебѣ маркизь де Садъ),

Съ котенкомъ маленькимъ, поднявшимъ хвостъ трубою,
Мяучащимъ во тьмѣ – онъ означаетъ страхъ
Безчисленныхъ глупцовъ съ ихъ вѣчною судьбою
Ни пса не понимать въ божественныхъ стихахъ.

.....

Какъ рекрутъ молодой мечтаетъ неумемно,
Не нюхавъ пороху, о тайнахъ стратагемъ,
О страсти грезимъ мы – измѣнчивой, огромной,
Невѣдомой еще, не названной никѣмъ!

II

Мы скачемъ, какъ мячи, и крутимся волчками,
Ужасень этотъ вальсъ, но даже и во снѣ
Все любознательность насъ жжетъ и править нами –
Такъ ангелъ сонмы солнць бичуетъ въ вышинѣ.

О странная судьба, чья цѣль всегда блуждаетъ,
Умѣя быть нигдѣ иль гдѣ угодно быть.
Надежда никогда людей не постыжаетъ,
Бѣгутъ, безумные, чтобъ отдыхъ заслужить!

Летить впередъ душа – корабликъ трехмачтовый,
Въ Икарію стремясь, огромный валъ взвихривъ.
И съ марса юнги крикъ намъ слышенъ дискантовый:
О счастье! О любовь! О дьяволъ! Это рифъ!

О каждомъ островкѣ кричить впередсмотрящій
Вотъ Эльдорадо! Рай обѣтованный нашъ!
Воображенія пылаетъ взоръ горящій,
Приблизимся, а тамъ – одинъ бесплодный кряжъ.

Географическихъ химеръ поклонникъ рьяный!
Не лучше ли въ волну тебя швырнуть съ кормы,
Америкъ выдумщикъ, матросъ извѣчно пьяный
Чей повергаетъ бредъ въ отчаянье умы!

Бредеть старикъ въ ночи, мечтая о ночлегѣ,
Подъ проливнымъ дождемъ до самаго утра

Но видитъ самъ себя онъ въ капуанской нѣгѣ –
И раемъ кажется любая конура.

III

Читаемъ лѣтопись возвышенныхъ событій,
О чудо-странники, въ глубинахъ вашихъ глазъ!
Воспоминаній ларь вы настезь распахните –
Эфирнымъ блескомъ звѣздъ зажжется ихъ алмазь!

Не съ топкой угольной и не подъ парусами
Мы странствовать хотимъ, плывя въ опасный Понтъ.
Разказовъ вашихъ ждемъ: пусть проплывутъ надъ нами
Картины памяти, чья рама – горизонтъ.

Разсказывайте! Ну!

IV

„Мы видѣли немало
Быль жаръ – невыносимъ, и адскій холодъ – лютъ,
Но сколько бы въ пути насъ буря ни трепала
Мы тосковали тамъ все такъ же, какъ и тутъ.

Надъ дальнимъ городомъ закатное пыланье
И блескъ полуденный надъ темной синевою
Воспламеняли въ насъ тревожное желанье
Взять, въ небо кинуться, какъ въ омутъ головой.

И что намъ лучшее изъ всѣхъ великолѣпій
Пейзажей царственныхъ, церквей, особняковъ,
Когда насъ позовутъ таинственные цѣпи
Случайно сложенныхъ летучихъ облаковъ!

Желаніямъ успѣхъ лишь добавляетъ силы,
И въ холѣ стволъ страстей умѣетъ раздобрѣть,
Кора его тверда и соковъ полны жилы,
И солнце онъ вблизи желаетъ разсмотрѣть!

Изсякнетъ сила ли, которой ввысь влекомо
То дерево быстрѣй, чѣмъ юный кипарисъ?
Прекраснѣй дальнее? Для вашего альбома
Картинокъ наберемъ, исполнимъ вашъ капризъ!

Встрѣчали идоловъ мы гласомъ трубной славы,
Мы троны видѣли въ роскошнѣйшихъ шатрахъ,
Златые скипетры, алмазныя державы,
Банкирамъ вашимъ смерть сулящіе и крахъ,

Наряды пестрые мы видѣли, хмелѣя,
Разложенный костеръ для трупа и вдовы,
Жонглеровъ-мудрецовъ со змѣями на шее,

V

Еще? Ну, что еще?

VI

О какъ наивны вы!

Припомнимъ главное: мы разглядѣли ясно,
Хоть и искать того намъ не было нужды,
Какъ снизу до верху вдоль лѣстницы опасной
Играетъ скучный грѣхъ на разные лады.

Рабыни – женщины, бессмысленны, спесивы
И самовлюблены безъ смѣха и стыда
Мужчина – злой тиранъ, корыстный и блудливый,
И – рабъ раба – смердить, какъ сточная вода.

Тамъ радость – палачамъ, а мученикамъ – страсти,
Тамъ крови праздника и пряны и остры,
Тамъ деспотъ возбужденъ сознаньемъ полной власти,
Простолюдинъ влюбленъ въ бичи и топоры.

Тамъ все, какъ и у насъ, – религіи, святыни,
Карабкаются вверхъ святые всѣхъ мастей:
Какъ счастливъ нѣженка, валяясь на перинѣ,
Такъ счастливы они на ложѣ из гвоздей.

Родъ человѣческій, отъ гордости пьянѣя,
Свой разумъ потопивъ въ извѣчной болтовнѣ,
Тамъ къ Богу вопіеть, предъ смертью сатанѣя:
Будь проклятъ властелинъ, во всемъ подобный мнѣ!

И меньшіе глупцы – любовники распада,
Кого загнать въ загонъ труднѣй, чѣмъ остальныхъ
Бѣгутъ свободъ просить у опійнаго ада.
Вотъ вѣчный каталогъ вамъ радостей земныхъ!

VII

Вотъ знанье горькое, добытое далеко:
Нашъ скучный міръ такъ малъ, границы столь близки!
Однообразіе повсюду видитъ око:
Оазисъ ужаса среди песковъ тоски!

Остаться? Уѣзжать? Ахъ, дѣлай то, что можешь!
Тотъ притаился, тотъ – бѣжалъ, а все одно –

Врага не проведешь, и смерти не отложишь
Надъ ходомъ времени намъ власти не дано.

И мѣста не найти нигдѣ намъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ вѣчный жидъ мечась, спасенья не обрѣсть.
А ретіарія уже все ближе сѣти ...
Но бѣгства путь иной и въ колыбели есть.

Мы можемъ прокричать съ надеждою «Въ дорогу!»
Когда намъ смерть сапогъ поставитъ на хребетъ,
И снова ощутить и радость и тревогу –
Какъ въ прошлый разъ, когда мы собрались въ Тибетъ.

И весело во мракъ мы входимъ потаенный
– Такъ мальчикъ-пассажиръ взбирается на ютъ –
Вы слышите? – поетъ намъ голосъ похоронный:
«Идите же сюда! Отвѣдать можно тутъ

Отъ цвѣта Лотоса! Тутъ – вертоградъ желанный,
Узнайте вкусъ хмельной душистаго плода
И сладости его, чарующей и странной.
Здѣсь полдень вечеромъ не станетъ никогда!»

Мы тѣнь по голосу навѣрно угадали,
Пилады тянутся руками къ намъ изъ тьмы:
«Электрѣ вы своей колена цѣловали,
Такъ и плывите къ ней, чтобъ охладить умы!»

VIII

Смерть! Старый капитанъ! Веди насъ, мы готовы!
Поставить паруса давно пора, спѣша!
Шагъ сдѣлать въ темноту, отдать скорѣй швартовы!
Чернымъ-черно вокругъ! Но свѣтитъ душа!

.....

Такъ лей свой яд скорбѣй! Веди къ своимъ затонамъ!
Изнемогаетъ мозгъ на медленномъ огнѣ!
Нырѣемъ въ рай иль въ адъ? О, право, все одно намъ,
Коль НОВИЗНУ найдемъ мы въ этой глубинѣ!

16

Ко мнѣ на грудь подушечками встань,
Когтей изъ нихъ не выпуская.
Глаза въ глаза – смотри, не одурмань:
Агата сила – колдовская.

Пусть тянется сама къ тебѣ рука,
Когда ты лишь проходишь рядомъ,
Отдернется – кольнет ее слегка
Тотчасъ сверкающимъ разрядомъ.

И женщину я вижу. Взглядъ ея,
Какъ твой, меня манитъ агатомъ,
Какъ твой, разить, какъ остріе копья,

Она опаснымъ ароматомъ,
Кружащимся, какъ облако, надъ ней,
Все ближе дразнить и слышнѣй.

17

НЕ БОЯСЬ КЛЕВЕТЫ

Ночью я склонился надъ тобой.
Быль твой обликъ беззащитно чистъ,
Будто прочиталь я бѣлый листъ:
Тщетно все на свѣтѣ подъ луной.

Жить? Такою странною волшбою?
Хрупокъ свѣтлый разумъ нашъ лучистый.
Только шагъ и ты безумецъ истый,
Въ ужасѣ надъ спящимъ я изною!

О! Любить – такая нищета!
Сонъ, какъ смерть, и жизнь одна тщета,
Смѣйся же, пока еще дыша!

Есть суровѣй смѣхъ и ночь поглуше,
Что ты спишь? Скорѣй проснись! Послушай,
Знаешь ты – безсмертна ли душа?

18

Искусство поэзи

Первымъ дѣломъ – музыка и нужно
Пятистопный предпочесть хорей,
Чтобы скрыться въ воздухъ скорѣй,
Безъ парадной выставки натужной.

Точность съ приближительностью слей
И безъ чванства выбирай слова ты
Пѣсенка немного темновата?
Ну такъ что же – тѣмъ она милѣй!

Такъ глаза сверкаютъ подъ вуалью,
Мрѣеть въ дымкѣ раскаленный Югъ,
Такъ въ разрывѣ первыхъ зимнихъ вьюгъ
Ночь манить бездонной звѣздной далью.

Важень намъ Оттѣнокъ, а не Цвѣтъ.
Цвѣтъ навѣкъ отправимъ мы въ застѣнокъ.
Сны другъ съ другомъ свяжетъ лишь Оттѣнокъ,
Съ тихой флейтой поженивъ кларнетъ.

Остроумья плоскаго не надо,
Духъ его и низмень и жестокъ.
Смѣхъ нечистый мерзокъ, какъ чеснокъ,
Небо плачетъ отъ такого смрада.

Шею краснорѣчію скрути,
Ритма просить зоркаго призора –
Не минуешь звонкаго позора,
Коли съ ней не справишься въ пути.

Ритмованья кто расскажет муки?
Прихотью какого дикаря
Грошъ фальшивый звякаетъ зазря?
Какъ постыдно помы эти звуки!

Лишь одну ты музыку зови!
Да пребудеть вѣчно стихъ летящій.
Пусть стремится голосъ настоящій
Къ новымъ высямъ и другой любви.

Не пустая эта авантюра –
Ждетъ на высяхъ горныхъ храбреца
Горьковатый запахъ чабреца...
Остальное все – литература.

19

Потокъ тускнѣющей сталь глыбою одною,
Здѣсь тьма до сроковъ всѣхъ тяжелый сводъ чернить,
Завертится мятель и мечеть ледяною
И колкой пылию въ береговой гранить.

Стемнѣло наконецъ. Міръ свѣтлый, міръ любезный,
Живой и грозовой, теперь навѣкъ уснулъ,
И городъ сумрачный поплылъ надъ смутной бездной,
И Полюсь вѣрную добычу притянулъ.

20

Non sum qualis eram bonae sub regno Cynarae...

Вчера межъ нашихъ губъ внезапно проскользнула
Тѣнь Кинары, и весь мой тутъ же вышелъ хмель.
Тоскою давнею изъ прошлаго подуло,
Здѣсь край отчаянья – что въ той латинской одѣ:
Ты слышишь, тѣнь? – и вправду вѣдь досель
Быль вѣренъ я тебѣ – въ своемъ особомъ родѣ.

Всю ночь потомъ вблизи чужое сердце билось,
Въ моихъ рукахъ она спокойно такъ спала,
Ротъ купленный былъ аль и сладокъ, но клубилось
Отчаянье мое, какъ въ той безумной одѣ,
Какъ сѣрь разсвѣтъ за холодомъ стекла!
Быль вѣренъ я тебѣ – въ своемъ особомъ родѣ.

Я многое забылъ, и, вѣтромъ унесенный,
Танцующій съ толпой, я розы прочь швырялъ,
Чтобъ лиліи твои избыть я могъ, пронзенный
Насквозь отчаяньемъ, какъ въ этой страшной одѣ,
Но, Кинара, пока я танцевалъ
Быль вѣренъ я тебѣ – въ своемъ особомъ родѣ.

Безумнѣй музыки, вина еще пьянѣ
Я громко требовалъ, но праздникъ скоро стихъ,
И пала тѣнь твоя, и ночь пришла, чернѣя
Моимъ отчаяньемъ, какъ въ этой черной одѣ
О Кинара, желая губъ чужихъ,
Быль вѣренъ я тебѣ – въ своемъ особомъ родѣ.

21

Бѣдный Катуллъ, ну зачѣмъ эти бредни,
День отсіялъ вашъ счастливый послѣдній,

То, что погибло, пора позабыть.
Слѣдомъ набѣгался – можно остыть.

Какъ цѣловала, смѣялась и пѣла !
Ты пожелалъ — а она ужъ хотѣла! ...

Быть столь любимой — нельзя ни одной ...
День отсіялъ, ты – во тѣмѣ ледяной.

То, что ты хочешь, – теперь ей постыло.
Чѣмъ за ушедшей таскаться уныло,

Волю яви и да будетъ тверда:
Vale, puella. Прощай навсегда.

Слезы я вытеръ и твердъ я отнынѣ,
Ты же поплачешь еще отъ гордыни.

Ну такъ и что же за жизнь тебя ждеть?
Кто же къ негодной хоть разъ подойдетъ?

Развѣ кому-то нужны эти губы —
Такъ безуханны, бездушны, безлюбы ?

Ну а Катуллъ-то? Онъ – переживетъ.

.....

Коли стыдился такъ выглянуть изъ воротъ,
Ты бы хоть попросилъ медленнѣе тянуть
Дроги мои близъ нихъ, небо молилъ, чтобъ Ночь
Жарче костеръ раздулъ, нарда бы пролилъ чуть.
Могъ гіацинты взять – задешево идутъ –
Въ пепель бы бросилъ ихъ, жертва все – пусть бѣдна ...
Лигдаму же рабу шкуру пускай прижгутъ –
Мучилась такъ же я, съ ядомъ глотнувъ вина.
У нумидійки злой выпытать все огнемъ,
Тайно ея слюна страшную смерть несутъ.
Та, что средь прочихъ шлюхъ шла совсѣмъ нипочемъ,
Нынчѣ подоломъ пыль вдругъ золотымъ мететь.
Тяжче работу дасть, ближе назначить срокъ
Той, что такъ, между дѣлъ, вспомнить меня, смѣясь.
Петале какъ-то разъ мнѣ отнесла вѣнокъ –
Старую вмигъ за то кинула въ путахъ въ грязь.
Лалагъ задала за косу таску – той
Именемъ-де моимъ вздумалось попросить.
Прямо съ костра сняла образъ мой золотой –
Свадебный лучшій даръ, какъ ты могъ попустить?
Мстить не хочу тебѣ – много пусть виноватъ,
Въ книгахъ твоихъ давно царствую я одна.
Пусть трехголовый песь, спящій у адскихъ вратъ,
Громкій подниметъ вой, коль не была вѣрна,
Съ шипомъ мои змѣя кости пусть обовѣтъ,
Ходомъ Судебъ клянусь: не измѣняла я.
Мертваго взявъ, Харонъ въ двѣ стороны гребетъ –
Къ двумъ берегамъ пристать можетъ его ладья.
За Климестринъ стыдъ, за Пасифеинъ блудъ
Жадно обѣихъ ждетъ черной рѣки вода,
Обѣ онѣ по ней въ вѣчную тьму плывутъ,
Ну а иныхъ везетъ лодка въ цвѣтахъ туда,
Гдѣ митроносныхъ дѣвъ слышенъ согласный хоръ,
Струны ласкаетъ плектръ, тихо кимвалы бьютъ,
И елисейскихъ розъ нѣжно рябитъ коверъ.
Вѣрныя жены тамъ старый разсказъ ведутъ:

.....

Изъ данайдъ одна мужа уберегла –
Какъ былъ спасень Линкей помнитъ его жена.
Помнитъ Кефея дочь: холодъ, на скалахъ мгла,
Цѣпи въ запястьяхъ жмутъ, мечь nereидъ страшна.
Слезы лѣчить любовь могутъ лишь у живой,
Списокъ твоихъ измѣнъ лучше я утаю,
Хлориды коль вконецъ не оплетень травой,
Старую няньку ты не позабудь мою –
Быть вѣдь могла она много къ тебѣ скупѣй.
Не позабудь еще, чтобы въ чужомъ дому
Латрисъ – утѣха мнѣ, имя пристало ей –
Не подносила впредь зеркала никому.
Тѣ же стихи, что ты ради меня сложилъ,
Нынѣ сожги, къ тебѣ слава моя нейдетъ,
И хорошо, чтобы плющъ цѣпкій ты посадилъ,
Пусть онъ мой нѣжный прахъ вѣтвями оплететь.
Аніо гдѣ потокъ льется среди садовъ,
Гдѣ слоновая кость блескъ свой хранить всегда
Вырѣжи въ память мнѣ нѣсколько точныхъ словъ
Чтобы ихъ вмигъ прочесть не было бы труда:
*Слава къ тебѣ пришла, Аніо чудный берегъ,
Кинѳія здѣсь лежитъ, злато мое и честь.*
Только бъ ты этимъ сномъ гордо не пренебрегъ
Сны эти святы, ихъ не отвергають вѣсть.
Ночью во тьмѣ вездѣ тѣни блуждать вольны,
Керберъ и то съ цѣпи ночью освобождень.
Только съ разсвѣтомъ вновь плыть мы назадъ должны
Въ лодкѣ пересчитать долженъ насъ всѣхъ Харонъ.
Пусть ты съ другой сейчасъ, скоро ты мнѣ одной
Будешь принадлежать, прахъ свой смѣшавъ съ моимъ».
Жалобы кончивъ тутъ, въ ночь повлеклась домой
Тихо скользнувъ межъ рукъ, какъ невѣсомый дымъ.

23

σφαίρηι δῆτέ με πορφυρήι

Мячъ запустиль въ меня, весель и свѣтель,
Золотокудрый малышъ.
Ту, что въ сандаляхъ пестрыхъ, примѣтиль?
Что жъ ты за ней не бѣжишь?

Ринулся я, да съ насмѣшкой взглянула –
Больше не годень сѣдой,
Къ спутницѣ сразу свой взоръ отвернула –
Съ лесбоса дѣвѣ молодой.

24

τοῦτον εὐτυχέστατον λέγω

Счастливейшимъ того я назову,
Кто, видѣвъ наше солнце наяву,
Огонь и звѣзды, воду, облака,
Взялъ и ушелъ немедленно, пока
Не постарѣлъ. Хоть сотню долгихъ лѣтъ
Живи, Пармень, – а зрѣлищъ лучше нѣтъ.
Броди себѣ объ утренней порѣ
По праздничной и свѣтлой агорѣ,
Шумить толпа, карманники снуютъ,
Тутъ мечутъ кости, тамъ кого-то бьютъ,
Полна мошна, никто тебѣ не врагъ,
И все твое и легокъ каждый шагъ!
Хватись потомъ – всего недостаетъ,
Коль заживешься, ночи напролетъ
Дрожишь и ждешь, и страшень и смѣшонъ,
Но легкой смерти ты уже лишенъ.

25

.....] ἢ μοι Τελχίνες ἐπιτρόζουσιν ἀ[οιδῆ,

Кричатъ мнѣ: какъ скушны такіе стихи намъ!
Не любъ я ворчливымъ невѣждамъ Тельхинамъ.

Пусть въ сѣрныя жерла уходятъ обратно,
Гармонія строгаая имъ непонятна.
Персидской цѣпочкой не мѣрятъ искусство,
Гдѣ точный расчетъ и глубокое чувство.
И тихая Муза совсѣмъ не глухая
Ее не плѣнишь ты, какъ Зевсъ, громоухая.

Лишь взялъ я вощеную досточку въ руки
Далъ заповѣдь мальчику богъ сребролукій:
Для жертвы корми ты быковъ до отвала,
Но должно, чтобъ сытости Муза не знала.
Путь торный и пыльный тебѣ не годится
Что толку за сотою плестись колесницей?
Чѣмъ уже тропинка, тѣмъ сердцу вольнѣе,
Тамъ воинъ отдѣльный когорты сильнѣе.
Тебѣ еле слышно стрекочеть цикада,
Толпѣ же ослиные вопли отрада.
Какъ славно, что длинныя грубыя уши
Не слышать, что шепчутъ крылатыя души,
Чья пища предутренній воздухъ росистый
Холодный и легкій, прозрачный и чистый.
Какъ островъ тяжелый пригнулъ Энкелада,
Такъ старость пугаетъ угрозой распада.
Не бойся: кто съ дѣтства былъ съ Музою дружень
Сѣдымъ ей не станеть постыль и не нужень.

ЭПИГРАММЫ
ШУТОЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ
GELEGENHEITSGEDICHTE

1

σικχαίνω πάντα τὰ δημόσια

Я ненавижу стихоплета,
Плетущегося за толпой,
И хуже смрадного болота
Обобществленный водопой.
Упитанъ и болтливъ Лисаній –
Двухъ строкъ прочесть я не сумѣлъ
Его кичащихся писаній.
А чѣмъ? – Кто только не имѣлъ!

2

Bald heads forgetful of their sins

Важно безполые наши авгуры
– Полностью лысы, учены отчасти –
Вьютъ комментарий, шьютъ конъектуры
Къ строчкамъ, что создалъ, сгорая отъ страсти,
Въ мукъ мечась на постели безсонной,
Пылкій юнецъ безнадежно влюбленный.

Носомъ – въ чернильницу, взглядомъ овечьимъ –
Въ книгу, изъ мягкихъ продавленныхъ кресель
Ввѣкъ никогда ни за что не извлечь имъ
Плоскаго зада и жиденькихъ чресель.
Боже, ужели – по ихъ разумѣнью –
Въ радость Катутлу ихъ прикосновенье?

3

Никому въ никуда

Не винограда прозрачная масса –
Съли зеленя мухи на мясо.
Русскаго слова храмъ многоглавый
Не устоялъ передъ бурей кровавой.
Стылый мертвякъ утверждень средь развалинь:
Лавромъ увѣнчанъ, всесвѣтно расхваленъ.

Можетъ быть все жъ совладаемъ съ чумой?
Вымерзнетъ нечисть русской зимой?
Можетъ ... надежда и вѣра съ любовью
Въ адскій предѣлъ отгѣснять срамословье?

4

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Константину Юрьеву

Сотня, нарочно сливая слова, подъ ак-
компанементъ свѣжекованныхъ ло-
шадиныхъ копытъ, несла къ вокзалу,
къ краснымъ вагоннымъ куренямъ ли-
шенько свое – пѣсню.

Щуку я, щуку я, щуку я поймала
Дѣвица красная, уху я варила
Уху я, уху я, уху я варила.

Тихій Донъ, Кн. 1, Ч. 3, Гл. 7

Сентябрь идетъ къ концу, и понтъ все холоднѣе,
Отчаяннѣй ночная тѣма.
Хохляцкій выговоръ застѣнной Дульсинеи
Наполовину свель съ ума.

Пора! Пора домой! Московскіе бульвары
Прохладны и еще сухи,
Тамъ букинисты ждуть, скупаютъ антиквары,
Приходятъ изрѣдка стихи.

Пока легко дышать и вавилонъ гриппозный
Не скрыла слякотная мразь
Моихъ элегій ходъ тяжелый и помпѣзный
Пародіей разнообразь.

Но осень поздняя – лишь половина горя,
Въдь посреди декабрьскихъ дней
Покажется намъ жизнь безъ солнца и безъ моря
Стиховъ Херсонскаго нуднѣй.

Поближе къ Рождеству и я въ Москву наѣду –
Мою откупоримъ Бургонь
И крымское твое – пришелъ аэдъ къ аэду,
Къ дюгоню – братъ родной дюгонь.

Домой мнѣ въ Питеръ все жъ ... Отпировавъ по свойски,
Мы на вокзалъ пойдемъ вдвоемъ.
И на прощаніе, какъ крюковское войско,
Херсонку* хоромъ прооремъ!

.....
* Общее названіе многочисленныхъ стихотвореній шуточно-
глумливаго рода, посвященныхъ извѣстному стихотворцу.

5

Изъ пятого тома Палатинской Антологии

Ни отъ ногтей къ плечамъ волной бѣгуща дрожь,
Ни позы страстныя, что всѣ переберешь,
Ни станъ азійскій твой извитый похотливо
Меня не удивятъ. Сочту я лишь за диво,
Какъ не гнушаяся безсильнымъ старикомъ,
Усохшій ветхій класъ ты дразнишь языкомъ,
Сжимаешь, вертишь, мнешь и, вырвавъ из Гадеса,
Возставишь палицу могучу Геркулеса!

6

СО СТАРОФРАНЦУЗСКАГО

Pere Macaire en un coin instruisoit

Отець Макарій тихо наставляль
Дѣвчоночку съ заботой неустанной.
Благословивъ, ее онъ приобняль –
Возстало нѣчто подъ его сутаной.
Съ наивностью спросила перевозданной
Юница, дочитавъ свой «Отче нашъ»,
Отець мой, то – огромный карандашъ?
Иль тамъ у васъ – продолговатый камень?
– Реликвія! ей долгъ святой отдашь
Въ ладони взявъ какъ можно крѣпче.. Amen!

7

а если что и остается

Кто отыскаль словцо – любыхъ избѣгнетъ жерль.
Всего одинъ примѣръ, что служить тутъ порукой:
Суды и земства, кровь – ничто передъ бingerle
Освободителя и Кати Долгорукой.

8

ВЪ МАНЕРЪ БАРТЕНЕВА

Уже одно «хговóрит Кыів»
Намъ – оскорбленье для ушей.
А этимъ – милъ и вѣкъ батыевъ
И бунтъ окраинныхъ пашей.

9

Симъ побѣдиши

Вся міровая закулиса
Впряглася за Коріюлиса.
А все же съ этой силой адской
Исакій совладаль Далматскій!

10

ТА ЖЕ БАЛЛАДА, НО НА НОВЫЙ ЛАДЬ

Безъ продуха, невпроворотъ –
Сгустилось такъ, что хоть сверли ...
Всѣхъ непотребнѣй – идіотъ
Съ клеймомъ на лбу: Je suis Charlie.

11

СОВРЕМЕННОЕ

Въ нашихъ широтахъ (межъ волка и волка)
Зернышекъ толка –
Наперечеть.

Игорь Иванычъ, какъ сказочка на ночь:
Странень, а годень.
Не пренебречь.

Помнишь, обмолвился гдѣ-то Погодинь:
Русская печь –
Такъ вотъ печеть.

12

МАКАРОНИЧЕСКОЕ

«Ярятся гибеллинь и гвельфъ –
Все имъ нейметса,
А мнѣ подѣ Орус 111
Легко живетса» –

Носилса съ этой идефиксъ
И доносилса:
Весь миръ, какъ Sonnet 66,
Перекосилса:

Рядятъ шестерку въ номеръ 1,
Въ орла – гельминта:
марширтъ поддѣльный rubinstein-с
Columna 5

И муторно въ моемъ нутрѣ ...
Но, рокируя,
Въ воображеньи 1003
Переберу я!

13

ТЕОРІЯ МАЛЫХЪ ДѢЛЪ

Ерусалимскій артишокъ
Прекраснѣй, чѣмъ любой стишокъ.
Онъ вытѣсняетъ борщевикъ,
Что вывелъ глупый большевикъ.
Поэтъ, чихай на Голунова
И легкой славы не стяжай,
Но клубень тотъ безъ выходного
Недѣлю цѣлую сажай!

14

Δέδυκε μὲν α σελάννα καὶ Πληιάδες

*Луна и Плеяды заходят во тьму,
Отпущена стража ночная
И в полночь глухую в безмолвномъ дому
На ложь безсонномъ одна я.*

О Сапфо! Из всѣхъ поэтическихъ дамъ
Чесательницъ риѳмъ и верлибровъ,
Читая тебя лишь, я залпа не дамъ
Изъ всѣхъ разъяренныхъ калибровъ.

Немного иначе: изъ пишущихъ дамъ
Всѣхъ типовъ, мастей и калибровъ
На русскомъ одну лишь тебя возсоздамъ
Катренъ твой божественный выбравъ.

15

DECLINATIO PRIMA
(POETA, NAUTA, AGRICOLA)

Я вашихъ не люблю бездѣлицъ,
Марина, Анна, Каролина:
Поэтъ, морякъ и земледѣлецъ
У всѣхъ народовъ – лишъ мужчина.

О тѣ, кого зовемъ онѣ!
Оставьте ваше попеченье.
Стихи писать – вамъ не вполнѣ
Довлѣющее назначенье.

16

Хоть въ позицію патову
Такъ не хочется стать –
Невозможно Ахматову
Ни хвалить, ни ругать.

Ямы волчїя вырыты
Вдоль тропинки крутой,
Отвратительны сироты,
Сынъ зато – золотой,

Все придуманно-внѣшнее,
Но приморскїй сонеть
Съ невозможной черешнею
Смертнымъ хладомъ согрѣть.

«Съ Богомъ, а не съ мужчиною»,
Этотъ дольникъ дурной,
Но тропа муравьиная,
Но онѣгинскїй зной ...

Скатерть какъ ни раскатывай –
Яства не хороши.
Все же не похотывай
При поминѣ души.

17

Плюсквамперфектнымъ кудряшамъ,
Литературнымъ торгашамъ
Пріятно славить Мандельштама
На стогнахъ сѣмо и овамо
(Пускай стопа гиппопотама
Прошлась по длиннымъ ихъ ушамъ).

Вѣдь съ нимъ любой журнальной дурѣ
(Засаленной карикатурѣ),
Всѣмъ стиховѣдамъ изъ Жирмунъ,
Всѣмъ виршеплетамъ изъ коммунъ,
Гдѣ равень каплуну каплунъ,
Есть мѣсто въ міровой культурѣ.

18

пѣнемъ жужелицъ въ лазури
мучилась заноза

Не соломенными, обветшалыми,
Не зеленый идетъ-гудеть,
Это тихихъ жужелицъ жвалами
Щиплетъ въ вышнихъ струну адіеть.

И разверзлось небо брюхатое,
Защекочена, скисла синь,
Выпалъ въ полѣ за крайней хатюю
Недоношенный щучій сынъ.

И съ тѣхъ поръ тутъ однѣ диссертаціи
А стиховъ – каждый годъ недородъ,
И Вергиліи, и Горации
Огибаютъ нашъ огородъ.

19

Съ души, что навѣки закрыта,
Надежда отсохла, какъ струпъ,
Гдѣ солнце въ надирѣ зарыто,
Тамъ слово – безсмысленный трупъ.

Поэт, чей пестрѣющій шлафоръ
На днѣ этой ночи нелѣпъ,
Въ лѣсу патагонскомъ метафоръ
Безъ свѣта блуждая, ослѣпъ.

Избитыя были менады,
Кадавромъ лежалъ Петербургъ,
Безумному пѣсень не надо –
Онъ рубить себя, какъ Ликургъ.

Какъ пику неистовый Гекторъ
Въ доспѣхи, что отдалъ Ахиллъ,
Свой лучъ паровозный прожекторъ
Въ промозглую темень вонзилъ.

Московскій угрюмой змѣею
Подползь, и пустынный перронъ
Заполнился черной толпою,
Сошедшейся для похоронъ.

Давно за хребтомъ Меганомы
Замолкли удары весла ..
Но ожилъ вдругъ ходъ метронома –
Минуточку ты привезла.

И тьма уже не безъ просвѣта,
И въ разумъ вошелъ сумасбродъ,
И дрогнуло сердце поэта,
И двинулся солнцеворотъ.

23.12.12

20

– Любовь и смерть вливая въ горькій стихъ, ты
Читателя вовѣки не найдешь,
Пиши-ка, братъ, Gelegenheitsgedichte –
Иначе ни за грошъ ты пропадешь.

– Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! такой читатель – вошь,
Взоръ – внутрь себя, какъ заповѣдалъ Фихте,
Зачѣмъ вовнѣ опоръ искать какихъ-то?
Коль надобны – то лиры не тревожь.

Совѣтчиковъ я выслушалъ незваныхъ,
Пристойно ихъ я поблагодарилъ,
За ними дверь тихонько затворилъ

И, позабывъ тотчасъ о двухъ болванахъ,
Опять поплылъ, затерянь безъ вѣтриль
Въ твоихъ духахъ, повѣрьяхъ и туманахъ.

21

Послание Акулъ Долли

Халдыбалдеи! Трепешите!
Акула! Столь грозна еси,
Что завалила бѣ дю Плесси
На докторской его защитѣ!

Равны предѣ бурей ферзь и пѣшка:
Подумаешь тамѣ Ришельешка ...
«Вотъ тутъ ты врешь, а ну-ка съѣшь-ка!».

Зарѣзала бы, какѣ барана.
И только то спасло Армана,
Что онѣ родился слишкомѣ рано...
(Чуть-чуть боюсь за Перельмана!)

Халдыбалдейскую же сошку
На мѣстѣ, вразѣ, непонарошку
На выборѣ – въ вермишель, въ окрошку,
И прочѣ въ кусты пустую бошку:

Знатокѣ бинарныхѣ оппозицій,
Чесатель снѣжныхѣ королевѣ*,
Всѣ логофобскія тупицы
Брюзгливоблѣднокислолицы
sono entrati nella lizza
И тамѣ остались, околѣвъ.

.....
* О. А. Лекманов. Анненский и Андерсен о Снежной королеве, холоде и тепле // Русская речь. 2001. № 2.

.....

Что намъ до этой вермишели?
Вѣдь мы въ маразмѣ не замшѣли,
Немного насъ у Ля Рошели
Но каждый – самсусамъ и хватъ.

И наши здравицы простыя:
Сегодня съ нами Всѣ Святые
И тѣмъ усиленъ во сто кратъ
Нашъ католическій «ВИВАТЬ!»

1 Ноября 2011

22

В. С.

Не апиологъ я, хоть пчельный систематикъ
Тэдъ Коккерелль со мной и дѣлитъ эпонимъ.
Два раза въ годъ поэтъ, лѣнивый математикъ,
Хандрой осеннею я, какъ и ты, казнимъ.

Давай сразимся съ ней, будь стоекъ, другъ-солдатикъ,
Когда усилія мы удесятеримъ,
Какъ славно, крестный мой, commentateur-лунатикъ,
Мы греческой хандрѣ по-русски подкузьмимъ!

Пусть книжица молчить, о чемъ и какъ угодно,
Коровка божія пусть спитъ подъ корешкомъ,
Пусть медлитъ Насреддинъ – молчанье сопринородно

Всему растущему подспудно и тайкомъ.
Но только тронь струну – и зажужжать живыя
Сперва развѣдчицы, а тамъ – сторожевыя!

23

I

И руки въ отчаяньѣ виснуть безвольно ...
Но развѣ не ангелъ запястіе жаль?
И шепчетъ тихонько: не бойся, довольно!
Пусть смерть ополчается тысячью жалъ,
Когда я съ тобою, то холодъ могильный –
Пустое томленье и морокъ безсильный.

II

Внезапная тьма, холодокъ на запястьѣ –
И гасить біенье родная ладонь ...
Ведомы ея непреклонною властью
По тропамъ опаснымъ сквозь ледъ и огонь
Безплотною тѣнью беззвучно покорной
Пройдемъ невредимо надъ пропастью черной.

24

13.11.2014

Тотъ – поразившій въ дѣтствѣ – кругъ
Неслышно разомкнется вдругъ,
И вѣчность можно съ Эваристомъ
За этимъ небосклономъ мгlistымъ
Дивиться какъ Левиафанъ
Сплетаетъ сѣть dessins d'enfant.

25

Четвертый уголь многихъ думъ
И метафизики, и шумовъ...
Но – чурь меня! – томится умъ,
Вотъ кануль въ черноту Чурюмовъ.
Въ листокъ негорестныхъ замѣтъ:
«Ночныхъ холодныхъ наблюдений
Итогъ неплохъ: среди кометъ –
Из лучшихъ мѣстонахождений».

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
СТИХОТВОРЕНІЯ
ГОТФРИДА БЕННА

1

Вижу я человекъ –
Имени нѣтъ, молчить.
Вѣтеръ смертельный вѣка
Свищетъ, а онъ стоитъ.
Пусть все Созданье разомъ
Рухнетъ въ тартарары,
– и завалющій – разумъ
лучше смертной дыры.

Видень фигуры очеркъ.
Явно земной изводъ.
Вѣра? – пожалуй, прочеркъ.
Родина? – антиподъ.
Пламя, возставъ, пылаетъ,
И океанъ реветъ.
Зарево умираетъ,
Море тоже умретъ.

Къ осени изобильной
Оборотись назадъ –
Былъ виноградъ въ давилнѣ
Смертному часу радъ.
Тихо звякнувъ подковой,
Конь колесо провернетъ,
Взрывъ, и волной багровой –
Въ небытіе, вразлетъ.

2

СТРАСТЬ

Страсть – и надъ первымъ сляньемъ
губъ, несутъ карауль
Звѣзды съ ихъ вѣчнымъ сіяньемъ.
Моря ночного гуль,
Влажный туманъ и пѣна,
Слово – за гранью дней:
Анадіомена –
На раковинѣ своей.

Страсть. Ей – часы рыданій,
Зовъ ея вѣчно юнь.
Гаснутъ почти безъ страданій
нѣсколько старыхъ лунъ.
Вѣра къ тебѣ простираетъ
Радугу. Но ковчегъ
и Араратъ стираетъ
Волнь безконечный бѣгъ.

Страсть. Повторяешь Слово
То, что услышалъ ты.
Кружится снова и снова
Вѣтеръ у той же мѣты.
Мигъ – и бывшее вскую,
Выворотомъ огня:
Гибну я – за другую,
Ты же – изъ-за меня.

3

Ты одинъ, ты за седьмой печатью,
Все стоишь, въ потокѣ отражень,
Тайну онъ несетъ зачатя
Жаръ его во мракѣ разожжень.

Мыслью, волей къ размноженью
Полонъ каждый плодоносный пластъ
Мощь та смерть-уничтоженье
Человѣческому дать.

То, что видишь, – строго и сурово:
Все мѣнялось при началѣ дней,
Смерти нѣтъ, но нѣтъ и жизни новой –
Тутъ конецъ: замри и цѣпенѣй.

4

СТИХОТВОРЕНІЕ

По волѣ той, что дарить неизмѣнно
Одну судьбу намъ всѣмъ изъ рода въ родъ,
Твой взоръ во тьмѣ вдругъ ожилъ несомнѣнно,
Гдѣ вскорѣ и погаснетъ въ свой чередъ.
Холодный міръ смѣшался въ полѣ зрѣнья,
Вещей привычныхъ оборвалась связь,
Спасется онъ – въ одномъ стихотвореньи
Изъ смуты въ слово тайно претворясь.

Поверхъ руинъ, пролетомъ надъ Горою
Масличною, гдѣ зналъ Онъ столько мукъ,
Сраженія, имперіи, герои,
Анжуйскихъ, Вельфовъ, Штауфеновъ кругъ ...
И снова крестъ и новое мученье,
Но здѣсь безъ крови рѣшено казнить:
Тутъ судъ свершается въ стихотвореньи –
И тихо-тихо Парка тянетъ нить.

По волѣ той, что внятна несомнѣнно
Въ исходѣ года въ сумеречный часъ,
И музыкой становится мгновенно –
Подслушанная, схваченная вразъ:
Вотъ близится верховное мгновенье!
Всю мощь свою теперь сосредоточь.
И пробилъ часъ! Въ твоёмъ стихотвореньи
Сама съ собой заговорила ночь.

5

Живя, тяжелый возъ мы тащимъ,
Терпи, прикованный илотъ,
Запретно внѣшнее хранящимъ
Стиха невыношенный плодъ.

Никакъ себя не называя,
Табу – обычай и союзъ,
Себя лишь въ словѣ сознавая,
Неси, горя, этотъ грузъ.

А если кѣмъ-то будетъ заданъ
Вопросъ – когда же урожай?
Отвѣтъ, что путь твой неразгаданъ,
И далѣе не продолжай.

6

ПРОЩАНІЕ

Ты – кровь, а я – кровотоку, какъ рана,
Ты внизъ стекаешь темною струей,
Ты щупальце ночное, что поляну
Вотъ-вотъ затянетъ черной пеленой.
Ты грузныхъ розъ предсмертное цвѣтенье,
Потерь послѣднихъ одинокій часъ,
Мучительное слишкомъ сновидѣнье,
Что возвращалось слишкомъ много разъ.

Дѣйствительность ты оттолкнулъ подалѣ –
Доступный міръ не стоитъ ни копыя,
Томительна обманчивость деталей,
И непостижно внутреннее я,
Хоть знакъ, хоть слово – что тамъ? не молчи же!
Но въ глубинѣ все тихо и мертво,
Молчи и ты и опускайся ниже
Въ унылый мракъ, гдѣ больше – никакого.

Подумается вдругъ – само собою –
Что былъ ты прежде? – какъ же ты забылъ!
Небесный свѣтъ? Вопросъ? Слово любое
Изъ тѣхъ, что ты когда-то такъ любилъ?
И свѣтъ и слово, бывшіе моими
Случилось мнѣ, растрата, разорить.
И должно навсегда проститься съ ними
И старого уже не ворошить.

.....

Вотъ день послѣдній – жаркій запоздало.
Ручей течеть куда-то въ міръ иной.
Сквозь вѣтви свѣтъ сюда нисходитъ алый,
Въ тѣнь обратясь превратною игрой.
Плодовъ не видя средь вѣтвей печальныхъ,
Не спрашиваю, что же рождено,
Свое сыгравъ, стою въ лучахъ прощальныхъ
Въ молчаніи – все сказано давно.

7

Мы въ форму влиты
И нѣтъ второй.
Разъ изъ земли ты –
Ее и рой.

Сжать спѣлый колосъ
Намъ не дано.
И мертвъ твой голосъ
Давнымъ давно.

Другимъ изгоямъ
Безъ тѣль въ ночи
О вѣрѣ воемъ
Нѣмымъ кричи.

8

АХЕРОНЪ

Ты! и во снѣ! ... всѣмъ чуждая, идетъ
Умершая. Вокругъ – столпотворенье.
Чужихъ фигуръ бурлитъ водоворотъ,
Тебя ищу въ немъ, напрягая зрѣнье.

И всѣ глядятъ такъ пристально, безъ слезъ –
Оглушены туманной беладонной –
Внизъ вѣко оттянувъ, умалишенный
Самъ снадобье на глазъ себѣ нанесъ.

Два мальчика съ тобой. Но только нѣтъ,
Не нашихъ – нѣтъ! – судьба не даровала,
Но все я не одинъ – уже немало,
Не видя лицъ, я вамъ гляжу вослѣдъ.

Но бѣлый алебастръ Діаны слиться
Не можетъ съ міромъ – снова въ темноту
Ты отъ стыда – я вижу – хочешь скрыться
И этотъ сонъ тебѣ невоготу.

9

ТЬМА

I

Ахъ, возврати мнѣ прежнія печали
Былую боль моихъ сердечныхъ ранъ
Счастливый блескъ укрыть не могъ вначалѣ
Под пеленою слезною Тристанъ.

Да, ты страдалъ, но было – возрожденье
Ты умиралъ, но въ звукахъ Liebestod.
Теперь же съ каждой новою ступеню
Все ширится зянiе пустотъ.

И это все, пожалуй, – воздаянье
Нѣмая тьма бушуетъ въ пустотѣ.
Печаль твоя чернѣетъ въ томъ зяньи –
Не сходна съ прежней ни въ одной чертѣ.

II

Отъ одиночества не исцѣлится,
Все прежнее оставлено вдали,
Покорно ты вступаешь въ вереницу,
Бредущую за черный край земли.

Свѣтъ подлинный, лишенный всякой тѣни,
Почти что невозможно перенестъ
И въ сумракѣ орѣху и сирени
Скрываться надо, прежде чѣмъ зацвѣсть.

Рѣчь держитъ Тьма, невиданная скряга:
Владѣя нами – насъ и расточить.
Но кто она – проклятье или благо?
Не вѣдаемъ – о томъ она молчитъ.

III

Согласны мудрецы и привидѣнья:
Все ровно такъ, иль все – наоборотъ.
И мучитъ многихъ это наваждѣнье,
Достигшее тропическихъ широтъ:

У Инковъ или въ дебряхъ Занзибара
У всѣхъ – Потопъ, и всѣмъ одна тюрьма.
И никаго не миновала кара
И никаго не упустила Тьма.

IV

Легъ сѣрый прахъ на отдаленный холмъ,
Влечется пепель внизъ рѣкою сѣрой.
Но каждый годъ из нѣжной пѣны волнь
Выходитъ крутобедрая Венера.

И будитъ ревомъ быкъ лѣсную глушь
Грозится рогомъ, рвется въ полѣ бодро.
И всѣхъ въ уздѣ ихъ держитъ ясный мужъ,
Смирят властно и рога и бедра.

Сомкнется снова вѣчный тѣсный кругъ:
Беременѣйте, плачьте, куролесьте –
Все то же возвращенье вѣчныхъ мукъ,
А тьма стоитъ и ждетъ на томъ же мѣстѣ.

10

Ein Apfelbaum? Что Лютеръ разумѣлъ?
Мнѣ все равно. Пусть западъ заалѣлъ –
Я здѣсь стою. Вотъ яблочный мой садъ.
Спокоенъ я. Не страшень мнѣ закатъ,
Я въ Бозѣ живъ за гранью этихъ дней,
Въ руцѣ Онъ держитъ кучу козырей:
Когда на завтра міръ пойдетъ ко дну –
Звѣздою вѣчной взмою въ вышину.

Что разумѣлъ нашъ добрый стариканъ?
– Еще одинъ наполню я стаканъ,
И съ Кете мы совсѣмъ еще не врозь,
Въ обнимку спимъ – пока не началось?
Коль вправду такъ – онъ истинно великъ.
И стоитъ восхищенія старикъ.

11

Пора, мимолетная, вольно
Взмахни крыломъ и прости.
Захлопнулась книга, довольно
Ей имя твое нести.

А мнѣ возвращаться обратно
Въ темнѣющіе сады,
Гдѣ пѣсня послѣдняя внятна
Въ ночныхъ тростникахъ у воды.

Мой слезодаритель, прости же –
Податель и горя и зла.
Потеряно. Только все ближе
Та тьма, что дала и взяла.

12

Музыка

Да, музыка ... и скушную контору,
Блѣднѣя, забываешь – что съ тобой?
Вотъ польхнуло облако за шторой,
Вотъ въ стѣну океанскій бьетъ прибой.

Не вѣдаешь – ни мѣста и ни часа:
Бѣгъ антилопъ укутанныхъ въ туманъ,
Сквозь заросли блеснула нѣжно Ньяса,
И тлѣетъ страсть, и глухо бьетъ тимпанъ.

Летить матерія клоками
Стихія, мысль, еще скорѣй
И острова съ материками –
Одна помѣха для морей.

И толку – поздно или рано?
Внѣ времени протагонистъ
И льется Яна Кристиана
Valse triste

Всегда въ минорѣ, *con sordino*
Спокойный монологъ
Отъ Палаваса къ Портофино
Дугою берегъ легъ.

Да, музыка – въ ней хаосъ довременный.
Ты безпредѣльнымъ обуянь.
Valse triste, смѣясь самозабвенно,
Втекаетъ въ черный океанъ.

13

Что наши метаморфозы,
Хитросплетенья системъ,
Горы стиховъ и прозы
Предъ вѣчнымъ вопросомъ – Зачѣмъ?

То дѣтское недоумѣнье,
Ты поздно взялъ это въ толкъ:
Есть только одно – терпѣнье.
Сознаніе, страсть ли, мученье –
Твой свышепредписанный долгъ.

Цвѣтущее, пережитое,
Сады и снѣга и моря ...
А есть – лишь пространство пустое
Да свѣтомъ пронзенное «Я».

14

Въ пивной

I

Вечерь, кабаць, алкоголя
Сила, призывъ, подъемъ.
Скажешь, – глотокъ? Но воля
Къ преображенью въ немъ.

Душу найдя живую
(сжатую или вразмахъ),
Приговорить: вкруговую –
Полный вѣдь крахъ!

Въ комнатахъ можешь вѣкъ ты
Вяло ученость стяжать,
Конечно, легко пандекты
чернильницею рожать,

Долго растутъ соборы
Въ три вѣка – одинъ встаетъ.
Да только время скоро
Въ крошево ихъ сотреть.

Тутъ зацѣпиться нечѣмъ,
Времени страшень бѣгъ,
Камень – и тотъ не вѣчень:
Въ прахъ – саркофагъ, ковчегъ!

Свѣтлый просторъ поднебесій ...
– Къ черту! долой! à bas!
Смрачны Великихъ Конфессій
Повапленные гроба.

Въ отчаянни можно рехнуться.
Вечерь, жалкій кабаць.
Сколь многимъ надо заткнуться,
Преображаясь такъ.

II

Но музыка все же бываетъ –
От ритма ея – не уйти.
Ударомъ – въ нутро – сшибаетъ
На полъ – до „девяти“.

Ты гостьей обязанъ этой
Обычно – ночнымъ часамъ
Сквозь звуки гдѣ-то пропѣтой,
Ты въ жизни чуть брезжишь самъ.

А жизнь эта тускловата
Настолько, что радъ ты, какъ чертъ,
Когда подъ ея остинато
на „девяты“ – еще распростертъ.

III

Бутылка пуста. Рулады
Радиоголосовъ.
Разслабленная прохлада
Сумеречныхъ часовъ.

«Обязанъ ты распрямиться,
Только впередъ и ввысь!»

«Надо тебѣ подчиниться
Предписанному. Смирись».

Мнѣ не простится: хоть я
И нищимъ свой вѣкъ живу
Долженъ носить лохмотья
и пировать въ хлѣву.

Кончено. Я стораю
Магмы пылаетъ зной,
Пышетъ ядро. Умираю,
Въ ранній входя кайнозой.

Застигнуть врасплохъ – я въ духѣ.
Смягчается приговоръ.
Пробилась изъ фляги сивухи –
Девятая, Ре миноръ.

IV

Что толку пихать межъ строчекъ
Себя. Но тутъ – безъ тайнъ:
Среди бутылокъ и бочекъ
Мнѣ встрѣтилось кунстферайнъ,

которое соорудило
Залъ для дутья въ свирѣль.
Все то, что давно остыло,
Играется тамъ досель.

Себя разломавъ и скомкавъ,
Пребуду тамъ до конца.
Стоя среди обломковъ,
Какъ часовой творца.

15

МЕЛАНХОЛІЯ

О бабочкахъ, о звукахъ въ лѣтней чащѣ,
Пчелиномъ гудѣ книга говоритъ.
Неужто эти вещи настоящи?
Прямой обманъ навѣрно гдѣ-то скрытъ –
Кому-то струнный хаосъ легкокрылый
(Свѣтящійся, вибрирующій такъ,
какъ будто вѣчно все, что есть и было)
– сомнительный и вредный кавардакъ:
Сплошная фальшь, искусственная смѣсь,
Лишь смерть души одна правдива здѣсь.

Такъ кто же тотъ, что смотритъ полусонно
(Бритье постыло, вызываютъ страхъ
Конвертъ невскрытый, вопли телефона)?
– Пустая сущность и сожженный прахъ.
Ждетъ высшая, всеобщая работа,
Ее онъ зналъ и могъ предугадать:
Отказываться напрочь отъ чего-то,
О начатомъ забыть, ослабѣвать,
И онъ молчитъ, и духъ молчитъ во мракѣ,
Лишь изрѣдка тамъ проступаютъ знаки.

Немаловажно все же объясненье:
Творецъ не такъ уж и одушевленъ,
Чтобъ спрашивать о ракъ, облысънни –
Отдѣльныхъ жалобахъ своихъ племень.
Из всякой всячины онъ сплелъ ихъ вмѣстѣ
(Сгодится также для другихъ планетъ)

И средство даль: хотите – куролесьте,
Туда-сюда – то есть вы, то васъ нѣтъ,
Одна таблетка лишь – и потекло
По хладнымъ жиламъ легкое тепло.

Ты долженъ взять все изъ родного края
(Ни съ чѣмъ приходимъ изъ чужихъ земель),
За вещь вещь теряя и теряя,
Когда пойдетъ крутиться карусель.
И комнатные или полевые
Найди цвѣты, и выбери бутонъ,
Чтобъ звукъ и цвѣтъ въ немъ были, какъ живые,
Чтобъ дому сообщили этотъ тонъ –
Гармонію большихъ и малыхъ терцій.
Въ холодныхъ стѣнахъ каменѣть сердце.

Итакъ – цвѣты. Вспять въ прошлое, обратно
Вновь въ будущее иль наоборотъ.
Сокрытые – «навѣрно», «вѣроятно»,
И ясное «не знаемъ, что насъ ждетъ».
Туда. Сюда. Вот ливень прекратился,
Ковчегъ доплылъ и разступилась мгла,
Вотъ Ниль, какъ при Антоніи, разлился
И Клеопатра снова такъ смугла,
Тамъ все – хоть Рюрикъ, хоть Пантагенеть.
Лишь твоего сегодня нѣтъ какъ нѣтъ.

Весь жемчугъ вышелъ, упокоень остовъ
Левіафана въ глубинѣ морей,
Что отъ героевъ что и отъ прохвостовъ –
Одной лишь гермой больше средь аллея.
Безмолвіе безволия и воли –
Въ рукахъ его шкатулка съ пустотой,
И Вѣчность это – мальчикъ на престолѣ,
Играющій въ орлянку самъ съ собой.
Одною гермой больше въ тайникахъ –
Вотъ этой «Меланхолией» въ стихахъ.

16

Тамъ вдалекѣ, за полемъ асфodelей
Недвижны тѣни въ сумракѣ дубровъ
Здѣсь – все живетъ, и тѣни порѣдѣли
Въ твоёмъ объятъи, въ колыбели сновъ.

Тѣлесность плоти – радость и страданье,
Тамъ нѣжность кожи, шелкъ груди и плечъ,
И свѣтъ волосъ ... неясность осязанья
Нешуточный огонь смогла разжечь –

Былое – явно: въ немъ – мы неразлучны,
Еще чуть-чуть: я снова одинокъ,
Оставь, забудь – как ни были бы звучны –
Всѣ клятвы вышли и всему свой срокъ.

Затѣмъ ноябрь. И ты одинъ съ тоскою.
Не благо небо – выборъ невеликъ:
Всего-то – между гробомъ и клюкою.
И кипарисъ недвижимо поникъ.

17

I

Онъ вышелъ из дому, почти безъ силъ,
Не полный неудачникъ, но измаянъ,
Такъ долго полунеприкаянъ,
Что олимпійскій жаръ совсѣмъ остылъ.

И медленно побрелъ себѣ сквозь сонъ
Среди глубокой осени тоскливой,
Похожей на весну, гдѣ юны ивы,
И сойки голосають со всѣхъ сторонъ.

И ходъ вещей всевластенъ былъ надъ нимъ,
И въ зыбыти свершались переходы,
Вращались вдали круги Природы,
Порядокъ сложный былъ неразложимъ.

Онъ выпилъ водки, супъ бесплатный взялъ –
Любезностью довольный четверговой,
И счастья съ мукой олимпійски снова
полусогласья точку отыскалъ.

II

И книгу на скамьѣ своей листая,
Онъ видѣлъ сѣрый цвѣтъ послѣднихъ розъ
Прорѣженная чаша негустая,
Осенняя, цвѣла вокругъ вразбросъ.

Онъ книгу отложилъ. Вполнѣ обычнымъ
Быль этотъ день, прохожихъ череда,
И смерть и смѣхъ – въ смѣшеніи привычномъ
Здѣсь пребывали такъ же, какъ всегда.

Такъ въ играхъ запаховъ многообразныхъ
Цвѣтка и кедра сходенъ аромат
Побрель онъ дальше, мимо лавокъ разныхъ,
Гдѣ зимніе мѣха уже лежатъ.

III

Какъ хорошо на солнечном припекѣ,
Чуть подъ хмелькомъ, вдали отъ неудачъ
Забуть домовладѣлицы упреки,
Просроченный налогъ и женскій плачь.

Какъ далеко ты «Я» свое продвинешь,
Чтобъ страненъ сталъ обычный обликъ нашъ?
Изъ рамы самого себя не вынешь,
Какъ Рихтера прилизанный пейзажъ.

Измаялся. Того не знаютъ люди –
Игра себя съ собой, всего со всѣмъ.
Но послѣ судьбоносныхъ интерлюдій,
Ты снова въ одиночествѣ – зачѣмъ?

Будь проклята заѣвшая иголка!
Я самъ и богъ, хозяйка, сонъ ... Разрывъ
Не залатать, тутъ спиртъ съ тепломъ – безъ толку,
Хрипятъ слова и дразнятъ безъ умолку ...
Изъ дома вышель, сонъ свой затворивъ.

18

Торжественные горны
Не въ этой жизни ждутъ.
Искать слова – упорный
И одинокій трудъ.

Въ душѣ, въ глубинахъ чувства,
Средь первобытныхъ лѣтъ ...
Измучишься: все пусто,
Годъ за годъ – все ихъ нѣтъ.

Но – изъ другой вселенной –
Они тебя зовутъ,
И – явно, несомнѣнно –
Сверкаютъ и живутъ.

Состаришься въ круженье
Окольномъ ... погоди!
Два слога въ сновидѣнны ...
Молчи! Теперь иди.

19

Не умерь – говорящій:
Поговори со мной,
Огонь, еще горящій,
Не поглотится тьмой.

Въ молчащую пустыню
Приди на мой призывъ
Мы скажемъ – красный, синій
Кто говоритъ – тотъ живъ.

Одинъ въ безмолвьи Гоби
Въ ладоняхъ – пустота:
Ни груди въ этомъ гробѣ –
Мужская нищета.

Несетъ меня къ порогу,
Борта и днище – швахъ.
Поговоримъ немного:
Жизнь теплится – въ словахъ.

20

Когда самъ-другъ съ тоскою,
Ни съ того ни съ сего
Прижметя вдругъ щекою
Amour – bel oiseau

Шумъ крыльевъ средь тумана,
И – Анды подъ тобой,
Блестятъ два океана
Туть – Тихій, тамъ – другой...

Когда навyleтъ ранень
Своею bel oiseau
Раздавленъ, бездыханень ...
Ни того, ни сего.

21

Спуску вглубь учиться мнѣ пристало –
Счастье и позоръ даются разъ.
Некуда бѣжать намъ, если стало
Мало свѣта для померкшихъ глазъ.

Стой и жди, коль вправду – ни просвѣта.
Пѣль ты – разъ, и разъ – прожилъ нѣмымъ,
Подчиняйся странному завѣту,
Все идетъ въ согласи съ нимъ:

Чтобы принести свои черешни
Сдержитъ стволъ подземныхъ соковъ ходъ –
Нищъ покровъ цвѣточный вешній
Будеть, будетъ лучшей годъ.

Гдѣ таится жизнь – не понимая,
Расцвѣтетъ ли снова тайный логъ,
Жди, надѣйся, принимая
Темень, старость, эпилогъ.

22

Что означаетъ эта нуда?
Полслова, отблескъ, полусчетъ ...
Печаль нѣма, тогда откуда
Тотъ зовъ, что такъ тебя влечетъ?

Зачѣмъ? отдѣлень одиночка
(Ничто, всего на свѣтѣ смѣсь),
Средь пепла ярко вспыхнетъ строчка –
Гаси, разсыпь, уравновѣсь.

Стоишь предъ запертою дверью
Постигнуть все – силенокъ нѣтъ.
Спокоенъ ты, и недовѣрья
Бронею крѣпкою одѣтъ.

Всѣ дни и ночи наготовѣ ...
И вотъ въ одинъ прекрасный мигъ
Ты фугу высѣкаешь въ словѣ –
Въ ней жизнь и ты ее постигъ.

23

Послѣдняя весна

Форсайтѣя – во *внутренней* твоей.
Когда настанетъ очередь сирени,
Смѣшай съ ней треволенья прошлыхъ дней –
Потянуть вглубь разбуженные тѣни.

День медлить. Все ли оборвется тутъ,
Еще потомъ продолжится ли гдѣ-то –
Не спрашивай. Быть можетъ, и дойдутъ
Твои часы до розъ въ началѣ лѣта.

24

ШУМАНЪ

Какъ ты отыскалъ въ этомъ сорѣ
Иль вѣтеръ какой принесъ
Мерцающую въ фа-мажорѣ
Мелодію дѣтскихъ «Грезъ»?

Под утро ли ниоткуда
Въ твой сонъ залетѣла стремглавъ,
Пробилась ли ночью, какъ чудо,
Тяжелую тьму разогнавъ?

Въ минуту непереносимую
иль въ наисчастливейшій мигъ –
Всесвѣтное-всеощутимое
Схватилъ, записалъ, постигъ.

И все, что не было, было,
И вѣчностью стало давно,
По радіоволнамъ проплыло
Съ Die Träumerei заодно.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАСКАЛЕВЫ ЗАБОТЫ

1.		
	«То облачко набѣгающее...»	7
	«Все слѣпѣй, суевѣрнѣй...»	8
2.	«Подъ вѣтромъ слегка зарябило...»	9
3.	Тургеневъ зимней ночью.....	11
4.	«Стремительныхъ штриховъ разлетѣ и затуханья...».....	12
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ ЭПИГРАФАМИ		
	5. «Еще она не зазвучала...»	13
	6. «Подожди, не уходи...»	14
	7. «Въ пугающее логово...»	15
8.	«Пускай иные колобродятъ...»	16
9.	«Пусть праздничная ночь – тревожна и безсонна...»	17
10.	«Тамъ, надъ пламенной Кальдерой...»	18
11.	«Въ ладоняхъ – лавы черной скрупуль...»	19
12.	«Сквозь поникшія ивы...»	20
13.	«Изъ свѣжести ночного дуновенья...».....	21
14.	«Изъ тьмы ночной летя, какъ манна...»	22
15.	«Надъ огненнымъ моремъ тревоги...».....	23
16.	«Иона въ декабрьскомъ чревѣ...».....	24
17.	«Сорокъ ужъ лѣтъ, какъ услышалъ впервые...»	25
18.	«Сказаль я съ вѣрой охладѣю...»	26
19.	«Блестить ротонда бѣлой костью лобной...».....	27
20.	«Терпѣнія нѣтъ для пасьянса...»	28
21.	Le Rappel des Oiseaux	29
22.	«Что лондонскіе мнѣ безъ роздыха...».....	30
23.	«Божій – ранью снѣжною, къ ночи – безпризорный...»	31

24. Fuga del gatto	32
25. «Какъ ни стянешь – високосно...»	33
26. «Свѣтъ неясный, явная прохлада...»	34
27. Hochwasser am Rhein.....	35
28. «Въ «Плеядѣ» прижизненный томикъ...»	36
29. Строгинскіе меандры	37
30. «Обдумывалъ я Dankchoral...».....	38

Подслушанные разговоры

1. «Недвижно время. Это я...»	41
2. Зимній лѣсъ.....	42
3. Отъ страсти къ страсти	43
4. «Кошка, гордая плѣнница...»	45
5. «Взоръ мой держать пряди-змѣи...»	47
6. «Себя изъ самого себя творя...»	48

Трилогия страсти

7. Къ Вертеру.....	49
8. Элегія	51
9. Примиреніе.....	56
10. «Сумракъ съ вышнихъ внизъ спустился...».....	57
11. «По завѣту мандариновъ...»	58
12. «Сестры не замѣчая, глядя мимо...»	59
13. На ярмаркѣ.....	60
14. «Олимпія Мане – сокровище изъ рѣдкихъ...».....	61
15. «Когда далекихъ странъ разглядываетъ карту...».....	63
16. «Ко мнѣ на грудь подушечками встань...»	70
17. Не боясь клеветы	71
18. Искусство поэзии	72
19. «Потокъ тускнѣющей сталь глыбою одною...»	74
20. «Вчера межъ нашихъ губъ внезапно проскользнула...»	75

21. «Бѣдный Катуллъ, ну зачѣмъ эти бредни...»	76
22. «Маны не суть ничто, смерть – не конецъ всему...»	77
23. «Мячъ запустилъ въ меня, весель и свѣтель...»	80
24. «Счастливейшимъ того я назову...».....	81
25. «Кричатъ мнѣ: какъ скушны такіе стихи намъ...»	82

ЭПИГРАММЫ, ШУТОЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,
GELEGENHEITSGEDICHTE

1. «Я ненавижу стихоплета...»	85
2. «Важно безполые наши авгуры...»	86
3. «Не винограда прозрачная масса...».....	87
4. Маленькая элегія.....	88
5. Изъ пятаго тома Палатинской Антологіи	90
6. Со старофранцузскаго	91
7. «Кто отыскалъ словцо – любыхъ избѣгнуть жерль...»	92
8. Въ манерѣ Бартенева	93
9. Симъ побѣдиши.....	94
10. Та же баллада, но на новый ладъ	95
11. Современное.....	96
12. Макароническое	97
13. Теорія малыхъ дѣлъ.....	98
14. «Луна и Плеяды заходятъ во тьму...»	99
15. Declinatio Prima (poeta, nauta, agricola)	100
16. «Хоть въ позицію патову...»	101
17. «Плюсквамперфектнымъ кудряшамъ...»	102
18. «Не соломенными, обветшалыми...»	103
19. «Съ души, что навѣки закрыта...».....	104
20. «– Любовь и смерть вливая въ горькій стихъ, ты...».....	106
21. Посланіе Акулѣ Долли	107
22. «Не апіологъ я, хоть пчельный систематикъ...».....	109
23.	
I. «И руки въ отчаяньѣ виснутъ безвольно...»	110
II. «Внезапная тьма, холодокъ на запястьѣ...»	110

24. «Тоть – поразившій въ дѣтствѣ – кругъ...» 111
 25. «Четвертый уголь многихъ думъ...» 112

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ
 ГОТФРИДА БЕННА

1. «Вижу я человѣка...» 115
 2. Страсть 116
 3. «Ты одинъ, ты за седьмой печатью...» 117
 4. Стихотвореніе 118
 5. «Живя, тяжелый возъ мы тащимъ...» 119
 6. Прощаніе 120
 7. «Мы въ форму влиты...» 122
 8. Ахеронъ 123
 9. ТЪМА
 I. «Ахъ, возврати мнѣ прежнія печали...» 124
 II. «От одиночества не исцѣлится...» 124
 III. «Согласны мудрецы и привидѣнья...» 125
 IV. «Легъ сѣрый прахъ на отдаленный холмъ...» 125
 10. «Ein Apfelbaum? Что Лютеръ разумѣлъ...» 126
 11. «Пора, мимолетная, вольно...» 127
 12. Музыка 128
 13. «Что наши метаморфозы...» 129
 14. ВЪ ПИВНОЙ
 I. «Вечеръ, кабакъ, алкоголя...» 130
 II. «Но музыка все же бываетъ...» 131
 III. «Бутылка пуста. Рулады...» 131
 IV. «Что толку пихать межъ строчекъ...» 132
 15. Меланхолія 133
 16. «Тамъ вдалекѣ, за полемъ асфоделей...» 135
 17.
 I. «Онъ вышелъ из дому, почти безъ силъ...» 136
 II. «И книгу на скамь своей листая...» 136
 III. «Какъ хорошо на солнечном припекѣ...» 137

.....

18. «Торжественные горны...»	138
19. «Не умерь – говорящій...»	139
20. «Когда самъ-другъ съ тоскою...»	140
21. «Спуску вглубь учиться мнѣ пристало...»	141
22. «Что означаетъ эта нуда...»	142
23. Послѣдняя весна	143
24. Шуманъ.....	144

Кокотовъ А.

К59 Паскалевы заботы: Вторая книга стихотвореній. – М.: Водолей, 2019. – 152 с.

ISBN 978–5–91763–490–6

Вторая книга стиховъ петербургскаго поэта Алексѣя Кокотова состоитъ изъ четырехъ частей:

1) выбранныхъ стихотвореній изъ написанныхъ за послѣднія десять лѣтъ (большая ихъ часть печаталась въ периодикѣ, но нѣкоторыя публикуются тутъ впервые),

2) переводовъ и переложеній изъ нѣмецкой, французской, англійской и античной поэзіи (здѣсь можно найти какъ новые переводы популярныхъ вещей вродѣ «Маріенбадской элегіи» Гете, «Путешествія» Бодлера или знаменитѣйшей седьмой элегіи изъ четвертой книги Проперція, такъ и рѣдкости, подобныя французскому стихотворенію Тютчева, эпиграммамъ изъ греческой антологіи или стихамъ почти неизвѣстныхъ въ Россіи Кароссы, Келлера и Монтеस्कю-Фезансака),

3) небольшого собранія эпиграммъ и стихотвореній «на случай»,

4) «книги въ книгѣ»: собранія переводовъ изъ поздней лирики крупнѣйшаго нѣмецкаго поэта прошлаго вѣка Готфрида Бенна.

Алексѣй Кокотовъ (р. 1965) – авторъ статей и стиховъ, публиковавшихся въ московскихъ, петербургскихъ и зарубежныхъ литературныхъ журналахъ, переводовъ изъ англійской, нѣмецкой и французской поэзіи, книги «Надъ чернымъ зеркаломъ» (М.: Водолей, 2008), составитель и переводчикъ собранія стихотвореній Поля Валери (М.: Текст, 2017) и книги Горация «Оды» (М.: Водолей, 2018).

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

В издательстве «Водолей» вышла книга:

Q. HORATI FLACCI
CARMINA

КВИНТЪ ГОРАЦІЙ ФЛАККЪ

ОДЫ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ АЛЕКСѢЯ КОКОТОВА

Новый, третий по счету после переводов А. А. Фета (1856) и П. Ф. Порфирова (1902), полный стихотворный русский перевод всех четырех книг од Горация возвращается к почти забытой в двадцатом веке традиции передачи горацианской лирики средствами русского рифмованного стиха. Переводчик Алексей Кокотов полностью разделяет распространенное среди специалистов мнение, что все попытки копирования античных схем, основанных на чуждой новым языкам квантитативной метрике, неизменно приводят к художественному краху, и что переводы Горация, сделанные в последние сто лет, читать, за редчайшими исключениями, и скучно, и мучительно. Переводчик также полагает, что, возвращаясь к русскому стиху, совершенно необходимо, следуя почину уже нескольких культурных русских издательств, возвратиться и к русскому правописанию: книга печатается в дореформенной орфографии.

Алексей Кокотов

Паскалевы заботы
Вторая книга стихотворений

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Корсакова*

Подписано в печать 10.11.19. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 4,75

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

Вторая книга стиховъ петербургскаго поэта Алексѣя Кокотова состоитъ изъ четырехъ частей:

1) выбранныхъ стихотвореній изъ написанныхъ за послѣднія десять лѣтъ (большая ихъ часть печаталась въ періодикѣ, но нѣкоторыя публикуются тутъ впервые),

2) переводовъ и переложеній изъ нѣмецкой, французской, англійской и античной поэзіи (здѣсь можно найти какъ новые переводы популярныхъ вещей вродѣ «Маріенбадской элегіи» Гете, «Путешествія» Бодлера или знаменитѣйшей седьмой элегіи изъ четвертой книги Проперція, такъ и рѣдкости, подобныя французскому стихотворенію Тютчева, эпиграммамъ изъ греческой антологіи или стихамъ почти неизвѣстныхъ въ Россіи Кароссы, Келлера и Монтескью-Фезансака),

3) небольшого собранія эпиграммъ и стихотвореній «на случай»,

4) «книги въ книгѣ»: собранія переводовъ изъ поздней лирики крупнѣйшаго нѣмецкаго поэта прошлаго вѣка Готфрида Бенна.

Алексѣй Кокотовъ (р. 1965) – авторъ статей и стиховъ, публиковавшихся въ московскихъ, петербургскихъ и зарубежныхъ литературныхъ журналахъ, переводовъ изъ англійской, нѣмецкой и французской поэзіи, книги «Надъ чернымъ зеркаломъ» (М.: Водолей, 2008), составитель и переводчикъ собранія стихотвореній Поля Валери (М.: Текст, 2017) и книги Горация «Оды» (М.: Водолей, 2018)

9 785917 634906